

ISSN 2541-9056

9 772541 905007 >

Гуманитарные исследования Центральной России

Humanities researches of the Central Russia

№ 3 (20), 2021

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-74882 от 21 января 2019 г.)

Информация о материалах научного журнала предоставлена в систему РИНЦ
по договору № 151-03/2017 от 29.03.2017 г.

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

РЕДАКЦИЯ:

398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42
Телефон: +7 (4742) 32-83-12

Издается с 2016 года.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky
University”
42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

EDITORIAL OFFICE:

42, Lenina St.,
398020,
Lipetsk, Lipetsk region, Russia
Telephone: +7 (4742) 32-83-12

Published since 2016.

Publication frequency: quarterly.

e-mail: gicr-lspu@yandex.ru

сайт: <http://hum-research.com>

При цитировании ссылка на журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов, опубликованных в журнале,
допускается только с разрешения редакции.

Содержание

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Долгих А.Н., Пучкова Е.И.

Ф.В. Булгарин и рождение «массовой культуры» в России: к постановке вопроса.....7

Аксенова Г.В.

Раненбургское духовное училище 1890-х годов по воспоминаниям профессора Николая Александровича Рыбникова.....17

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Ковалева Д.В.

Эволюция решения «польского вопроса» в политико-правовой концепции Б.Н. Чичерина.....49

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Орехова Ю.М.

Новые способы оценивания при реализации компетентностного подхода в военном вузе...56

Надточий Ю.Б., Тимошкина Н.А.

Проектная деятельность студентов педагогических специальностей: из опыта организации и проведения учебного проекта «Мир архитектуры».....61

Саблина Н.А., Руднева А.А.

Особенности формирования цветового восприятия в системе профессионального образования дизайнеров68

Сугробова Н.Ю.

Формирование общепрофессиональных компетенций у студентов педагогического вуза по профилю «Безопасность жизнедеятельности» в ходе учебной (технологической) практики.....74

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

Кузнецова О.Ю., Шляпников В.В.

Исследование политической активности студенческой молодежи.....85

Башлыков Т.В., Байсара Э.Р.

Совершенствование управления занятостью населения с помощью современных образовательных технологий (на примере города Липецка).....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....103

RUSSIAN HISTORY ISSUES

Dolgikh A.N., Puchkova E.I.

F.V. Bulgarin and the birth of "mass culture" in Russia: to the formulation of the question.....7

Aksenova G.V.

Ranenburg theological school of the 1890s according to the memoirs of professor Nikolai Alexandrovich Rybnikov.....17

A WORD TO YOUNG SCIENTISTS

Kovaleva D.V.

The evolution of the solution on «polish issue» in B.N. Chicherin's political and legal concept.....49

ACTUAL PROBLEMS OF PEDAGOGY

Orekhova Yu. M.

New methods of assessment while realizing competence based approach in a higher education military establishment56

Nadtochiy Yu. B., Timoshkina N.A.

Project activity of students of pedagogical specialties: from the experience of organizing and conducting the project «World of architecture»...61

Sablina N.A., Rudneva A.A.

Peculiarities of Colour Perception in the System of Designer Professional Education.....68

Sugrobova N. Yu.

Formation of general professional competencies among students of a pedagogical university according to the profile "Life safety" during the educational (technological) practice.....74

CONTEMPORARY ISSUES OF SOCIOLOGY

Kuznetsova O.Yu., Shlyapnikov V.V.

Research of political activity of students youth.....85

Bashlykov T.V., Baysara E.R.

Improvement of employment management with the help of modern educational technologies (On the example of the city of Lipetsk).....95

INFORMATION ABOUT AUTHORS.....103

DOI 10.24412/2541-9056-2021-3-17-48

УДК 271.22(470.322-21Раненбург)-754"189"(093.3)

**РАНЕНБУРГСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ 1890-х ГОДОВ
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
ПРОФЕССОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА РЫБНИКОВА**

Г.В. Аксенова

Статья поступила в редакцию 19 августа 2021 г.

Материал представляет собой первую комментируемую публикацию главы автобиографического исследования выдающегося психолога, профессора Московского университета Н.А. Рыбникова. Уроженец Раненбургского уезда Рязанской губернии свое начальное образование он получил в Раненбургском духовном училище. В главе «Отрочество» дана яркая характеристика преподавательского состава училища, проанализирован образовательный процесс, раскрыты его особенности, показаны быт и нравы учащихся. В публикуемой главе содержится богатый краеведческий материал, позволяющий уточнить ряд страниц по истории духовного образования на Раненбургской земле.

Ключевые слова: Раненбург, духовное училище, особенности образовательного процесса, личный архив, мемуары, автобиография, Николай Рыбников.

**RANENBURG THEOLOGICAL SCHOOL OF THE 1890s
ACCORDING TO THE MEMOIRS
OF PROFESSOR NIKOLAI ALEXANDROVICH RYBNIKOV**

G.V. Aksenova

The material is the first commented publication of a chapter of autobiographical research, done by an outstanding psychologist, professor of Moscow University N.A. Rybnikov. A native of the Ranenburg, district of Ryazan province, he received his primary education at Ranenburg Theological School. The chapter «Adolescence» gives a vivid description of the teaching staff of the school, analyzes the educational process and reveals its features, shows the life and customs of students. The published chapter contains a rich local history material that allows us to clarify certain aspects of the history of spiritual education on Ranenburg land.

Key words: Ranenburg, theological school, educational process feature, personal archive, memoirs, autobiography, Nikolay Rybnikov.

Раненбург – один из интереснейших дом связана деятельность императора исторических и духовных центров современной Липецкой области. С этим городом связана деятельность Петра I и его сподвижника Александра Меншикова, несостоявшегося правителя

России Ивана VI Антоновича, начало жизненного пути великого историка Д.И. Иловайского. В Раненбургской пустыни подвизались просиявшие своими иноческими добродетелями иеросхимонахи Мелхиседек, Нафанаил и Пиор, архимандрит Иреней (Центров).

С Раненбургским уездом связана история купеческого рода Рыбниковых. В числе его представителей, прославивших родную землю, были Сергей Александрович Рыбников (1876 – до 1959) – профессор Политехнического института (в Петрограде), занимавшийся вопросами изуче-

ния страхования, ученый консультант Госстраха; Александр Александрович Рыбников (1878-1938) – экономист и экономико-географ, автор работ по сельскохозяйственному производству и теории экономической географии; Мария Александровна Рыбникова (1885-1942) – «профессор-словесник, литературовед и педагог», филолог-фольклорист; Алексей Александрович Рыбников (1887-1949) – живописец и график, художник-реставратор, основатель реставрационных мастерских Государственной Третьяковской галереи (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – Семья Рыбниковых-Щукиных.

1-й ряд (слева направо): М.С. Щукина (родная сестра матери), П.С. Рыбникова (мать), А.Н. Рыбников (отец), Сергей (сын);

2-й ряд (дети): Алексей, Александр, Митрофан, Варвара, Николай, Мария

Фото [нач. XX в. до 1913 г.]

ОР РГБ. Ф 367. К. 50. Ед.хр. 29.

Николай Александрович Рыбников (1880-1961), доктор педагогических наук, выдающийся отечественный психолог, ученый колоссальной эрудиции и работоспособности, один из основоположников «психографии», ученик русского философа, логика и психолога Г.И. Челпанова (1862-1936), сотрудник Центральной психофизиологической лаборатории Наркомата связи, директор Института психологии, инициировавший в 1916 г. создание Биографического института [25, с. 111], целью деятельности которого должно было стать сохранение и изучение массового биографического материала и воссоздание наиболее полного правдивого образа прошлого. Поставивший перед собой задачу – хранить историческую память и изучать историю повседневности – он собрал в личном архиве уникальные дневниковые записи (в копиях и подлинниках, начиная с середины XVIII в.), мемуары, переписку, деловые бумаги и фотографии представителей таких купеческих родов, как Молчановы, Пастуховы, Котковы, Жуковы, Щукины, Шапошниковы, Пузыревы, Андреевы, Комаровы, Герасимовы, Тумановы, Зензивеевы, Черновы и других представителей своей семьи, имеющей более чем двухсотлетнюю письменно зафиксированную историю [10]. Благодаря этому направлению собирательской и исследовательской деятельности имеется возможность наиболее полно реконструировать жизнь и дея-

тельность целого ряда крупнейших купеческих родов России.

Как ученый он решал вопросы, связанные с педагогической психологией и методами преподавания сельских учителей, читал курс «Экспериментальная психология в применении к педагогике», публиковал статьи и монографии по проблемам детской и школьной психологии, роли игрушки в развитии ребенка [12-16, 18-24]. Его научно-исследовательской работа в годы Великой Отечественной войны, имеющая оборонное значение, была высоко оценена советским правительством: его наградили медалью «За оборону Москвы».

Н.А. Рыбников изучал историю детства (т.е. всесторонне все изменения, которые претерпевают следующие друг за другом детские поколения) и круг детских представлений, вопросы использования художественной литературы в семейном воспитании и вопросы индивидуального подхода к учащимся в процессе школьного обучения, психологические причины детской неуспеваемости и др. Он, как отметил В.Г. Безрогов, «вплотную подошел к идее изучения изменений в характере подрастающих поколений, объединив психологический подход с историческим» [3, с. 32].

Научные заслуги Н.А. Рыбникова были велики, а его новаторские идеи, что следует из работ современных исследователей, опередили время (см. рисунок 2).

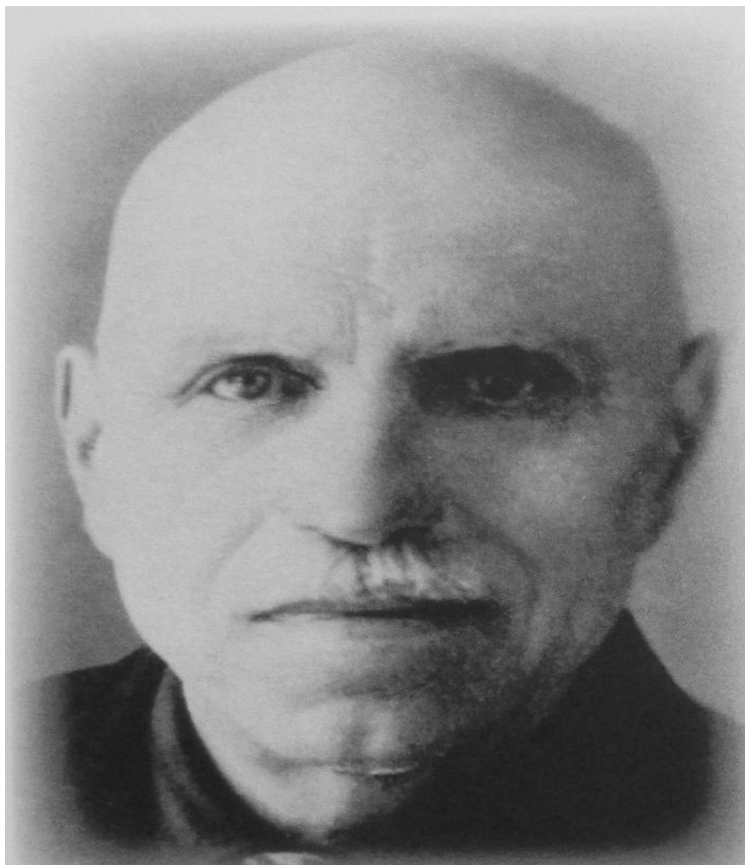

Рисунок 2 – Николай Александрович Рыбников. Фото. 1950-е

В справочном издании «100 великих психологов», увидевшем свет в 2003 г., автор-составитель назвал Н.А. Рыбникова «незаслуженно забытым в настоящее время советским психологом» [25, с. 109]. Действительно, если проанализировать библиографию трудов, посвященных этому неординарному ученому, то можно увидеть, что все они написаны и опубликованы в 2000-е гг. и в основном о нем говорят как об авторе уникального проекта конца 1930-х гг. – «История русского ребенка», связанного с «изучением динамики психологического облика русского ребенка за последние два столетия» [3, с. 32]. Именно об этом аспекте научного творчества «российского предшественника» Филиппа Арьеса, современного французского историка, автора работ по истории повседневности, семьи и детства, пи-

сал и неоднократно говорил на международных конференциях доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО В.Г. Безрогов [4, 9].

Памяти Н.А. Рыбникова был посвящен сборник текстов «Взрослые о детях и дети о себе» – «Городок в табакерке» [7].

В 1990-е гг., когда в России и во всем мире остро встал вопрос о путях развития дошкольного и школьного образования и время выдвинуло требование осмысления педагогического наследия досоветского и советского периодов, к трудам Н.А. Рыбникова и материалам его фонда обратились психологи М.Э. Боцманова и Е.П. Гусева, опубликовавшие краткий обзор архивных материалов в журнале «Вопросы психологии» [5]. О Н.А. Рыбникове как представителе раненбургского рода

Рыбниковых писала доктор исторических наук Г.В. Аксенова [1-2].

История формирования фонда Рыбниковых в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (до 1992 г. – Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина) восходит к 1943 г., когда Н.А. Рыбников передал часть семейного архива. С 1943 по 1947 гг. ученый передал 8 единиц хранения (общим объемом 727 лл.). Как следует из учетной документации, это были «Работа Рыбникова Н.А. по истории рода Рыбниковых за период его существования 1753-1745 "Дела и дни фамилии Рыбниковых", "Из рода в род", "М.А. Рыбникова"; материалы к истории семьи Рыбниковых; работа М.А. Рыбниковой "Горбатовская хроника". Весь материал – машинопись с незначительными правками Н.А. Рыбникова» [26, л. б.н.]. Фонд Рыбниковых в 1950-е гг. пополнился стараниями сотрудника Литературного музея Л.Е. Случевской. В середине 1960-х гг. был приобретен уникальный комплекс материалов, «представляющий собой не-большой архив гжатских и Волоколамских купцов Щукиных, Алексея Иванова, его

сыновей Николая, Сергея, Алексея, Павла, Константина Алексеевича, его внуков и других» [26, л. б.н.] и охватывающий временной период с 1823 по 1913 гг., а также документы личного характера за 1917-1930-е и 1921-1949 гг., тематические фотоальбомы [26, л. б.н.]. Итак, к концу 1960-х гг. сформировался фонд Рыбниковых, включивший в свой состав 1122 единицы хранения общим объемом более сорока тысяч листов и представляющий исторический период с 1800 по 1949 гг. После его полной систематизации и обработки, продолжавшихся несколько лет (в связи с разновременным поступлением материалов), в 1980 г. он стал доступен читателям и исследователям [6, 8].

Интерес к документам, собранным в этом семейном архиве, был колоссальным и прежде всего потому, что в нем находились документы семьи Щукиных, члены которой известны как коллекционеры и меценаты, а один из них как собиратель живописи французских импрессионистов. Сохранность достаточно объемному комплексу семейных документов обеспечил Н.А. Рыбников (см. рисунок 3).

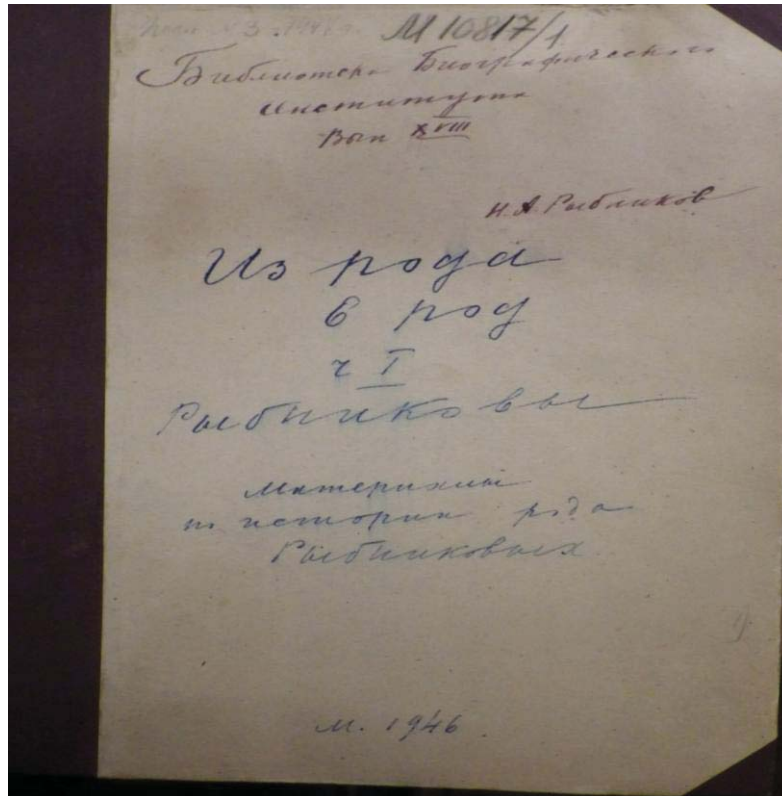

Рисунок 3 – Обложка рукописи: Рыбников Н.А. Из рода в род. Часть 1.

Рыбниковы: материалы по истории рода Рыбниковых
(за двухсотлетний период его существования).

– Москва, 1946. – Машинопись. ОР РГБ. Ф. 367. К. 3. Ед. хр. 30

Николай Александрович Рыбников родился 16/29 октября 1880 г. в с. Верхний Якимец Рязанской губ. Раненбургского уезда [17, л. 57]. Путь в науку был долгим и непростым. Сначала домашнее образование, затем в 1891-1895 гг. учеба в Раненбургском духовном училище, в 1895 по 1901 гг. работа приказчиком в торговом доме Щукиных в с. Лотошинов Старицкого уезда Тверской губернии, солдатчина в 1901-1905 гг. и «самообразовательная работа» [17, л. 247]. Ее итог – на 25 году жизни он сдал экстерном экзамены за полный

курс классической 10-й Московской гимназии и, получив аттестат зрелости, в 1905 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который официально окончил только в 1917 г. Его наставником в годы учебы стал русский философ, логик и психолог Г.И. Челпанов, в психологической лаборатории которого он стал работать, а также исполнять обязанности ассистента в практикуме по экспериментальной психологии [25, с. 109] (см. рисунок 4).

Рисунок 4 – Николай Александрович Рыбников. Фото. 1900-е.
ОР РГБ. Ф. 367. К. 8. Ед. хр. 2.

Занявшись исследованием детской памяти, он обратился к вопросам педагогической психологии и начал изучение способностей деревенских школьников и методов преподавания сельских учителей.

В начале 1910-х гг. он стал вести курс «Экспериментальная психология в при-

менении к педагогике» в академическом кружке самообразования при обществе бывших воспитанников императорского Московского коммерческого училища, который был посвящен памяти, умственной работе и утомлению, ощущениям, методам экспериментальных исследова-

ний в психологии, отношению души к телу [25, с. 110]. Проблемами детской и школьной психологии Н.А. Рыбников будет заниматься и после революции 1917 г., а точнее – всю свою жизнь.

Работа в Институте психологии (до 1930 г.), в Центральной психофизиологической лаборатории Наркомата связи (до 1938 г.), исполнение обязанностей директора Института психологии в годы Великой Отечественной войны – в любой должности и на любом посту Н.А. Рыбников занимался решением важнейших психолого-педагогических вопросов.

В послевоенные годы Н.А. Рыбников продолжал изучение детских представлений, проблем использования художественной литературы в семейном воспитании, вопроса индивидуального подхода к учащимся в школьном обучении, продолжил анализ педагогических и чисто психологических причин неуспеваемости, начатых еще в 1930-е гг. в его исследовании «Динамика успеваемости учащихся по орфографии».

К числу величайших заслуг Н.А. Рыбникова как исследователя необходимо отнести его инициативу создания вышеупомянутого «небывалого учреждения», «центра, ведающего делом собирания и изучения биографий» [27, с. 25], «музея, пантеона человечества» [28, с. 419] – Биографического института, с которой он выступил в 1916 г. Основные положения он изложил в 1917 г. в статье «Биографический метод в психологии», наметив его основные направления использования и формы.

В книге «Биографии и их изучение» (1920) аргументированно доказана полезность использования биографии как источника для общей психологии и психо-

логии индивидуальных отличий, генетической психологии, сравнительной психологии, психологии прикладной, поскольку именно биография способна прояснить «структуру профессионального типа» [12, с. 4].

Биографический институт мыслился ученым как учреждение, в котором аккумулировался массовый биографический материал, шла его систематизация и всестороннее изучение. Собранный же материал должен был помочь воссозданию правдивых «образов прошлого», обогатить данными науки и дисциплины, изучающие человека как личность.

Под грифом Биографического института трудами Н.А. Рыбникова и на его средства вышел ряд изданий, в том числе «Горбовская хроника» (1919), «Биографический метод в изучении детских рисунков» (1919), «Изучение биографии. Темы семинария, указатель литературы» (1922), «Краеведение и изучение биографий» (1923), «Юношеские дневники и их изучение» (1928), «Биографический метод в изучении читательских интересов» (1928), «Психология и изучение биографий» (1929), «Биографический метод в изучении детства», «Опыт психологического изучения биографий» (1930), «Автобиографии как психологические документы» (1930), «Автобиографии рабочих и их изучение: материалы к истории автобиографии как психологического документа» (1930).

В 1920-е гг. Н.А. Рыбников возглавлял биографическую секцию Педологического института. На этой базе он мыслил организацию Биографического института. Но в 1925 г. из-за слияния Педологического института с Институтом методов школь-

ной работы проект «Биографический институт» не состоялся. До конца своей жизни ученый не терял надежды на воплощение замысла в будущем [11, с. 27]. В автобиографии, написанной в 1942 г., он указал на «то, что делается в этом направлении сейчас за рубежом», говорит в пользу его идеи и что, судя по западным работам, там «изучение биографий становится массовым явлением». Он писал: «Памятник обобщенному человеческому опыту будет создан, ибо нужда в нем большая. Жалею только, что мне самому этого не удалось пока сделать...».

В рамках реализации идеи создания и функционирования Биографического ин-

ститута на протяжении десяти лет создавался автобиографический труд «История моей жизни (за шестидесятилетний период моего жития)».

Давая характеристику своему биографо-автобиографическому труду, Н.А. Рыбников писал: «Можно думать, что предпринятая нами попытка освещения истории одной семьи может представлять широкий интерес для истории эпохи, для психологии и целого ряда других наук, изучающих жизнь и деятельность людей той или иной исторической эпохи, определенного класса, профессии и т.д. (см. рисунок 5).

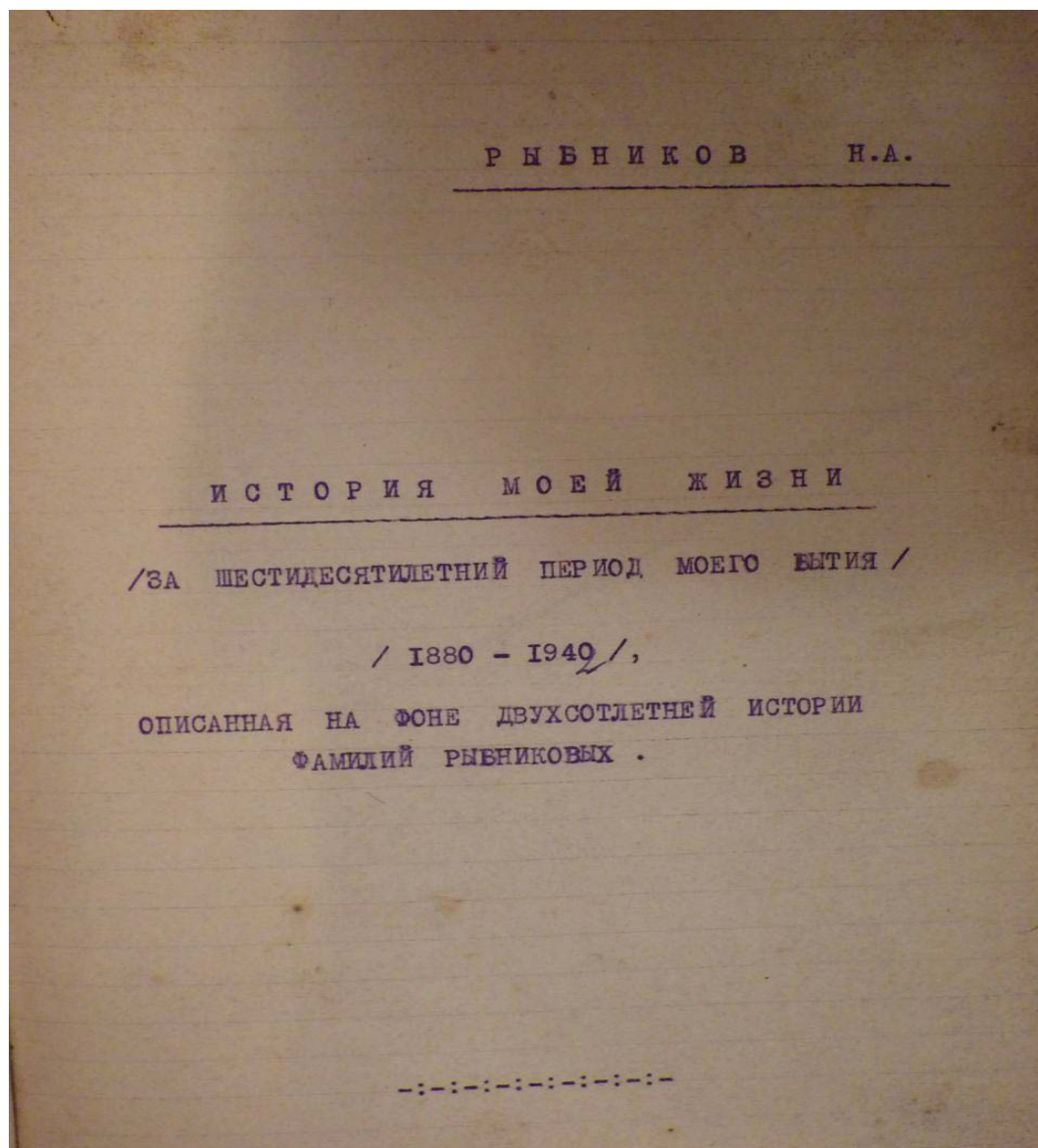

Рисунок 5 – Титульный лист рукописи: Н.А. Рыбников

История моей жизни (за шестидесятилетний период моего жития) (1880-1940), описанная на фоне двухсотлетней истории фамилии Рыбниковых. Москва, 1942. –

Машинопись. 366 л.

ОР РГБ. Ф. 367. К. 8. Ед.хр. 2.

Почти все шесть глав (кроме четвертой) были написаны Н.А. Рыбниковым (автор писал о себе в третьем лице – Г.А.) во время пребывания в Боткинской больнице в апреле 1934 года. При писании их автор не имел под руками никаких документов, он обращался лишь к своей памяти. Никакой переработки они затем в дальнейшем не подвергались, если не

считать концовок к главам, которые вставлялись при окончательном просмотре материала при его перепечатывании. Вот почему содержание настоящей второй части не есть окончательно обработанная автобиография. Правильнее было бы смотреть на эту часть как на материал для изучения истории фамилии и жизни

одного из представителей этой фамилии» [17, л. 3].

В предисловии к третьей части автобиографического исследования ученый, раскрывая особенности ее содержания, писал: «Эти шесть глав содержат описание жизненного пути до момента окончания Университета, первые 30 лет жизни одного из представителей пятого поколения фамилии Рыбниковых. В них говорится, как шло его развитие, как протекала подготовка, как он получал "путевку в жизнь", каковы были условия, которыми жил и дышал молодой человек, сознательная жизнь которого приходится на последние годы прошлого и первые годы текущего столетия. Таким образом, автор воспоминаний является современником Революции 1905 года и Великой Октябрьской социалистической революции. Он был также современником трех последних царствований. Старшее поколение его современников хорошо помнило крепостное право. Остатки феодализма и крепостничества он описывает в главе "Юность". Описанный во второй части жизненный путь будущего профессора – не совсем обычный путь ученого» [17, л. 1].

Действительно, шесть глав части III, представляющей интерес прежде всего для раненбургских краеведов и региональных историков для построения родословий, называется «Пятое поколение. Автобиография Н.А. Рыбникова». В ней

содержится история роста и подготовки к жизни одного из членов семьи Рыбниковых-Щукиных, а в шести главах поступательно рассказывается о детстве, прошедшем в Александро-Невске, раненбургском отрочестве, юношеских лотошинских годах, военной службе, студенчестве и магистранстве. Представленный в главах материал подтверждает тезис ученого о том, что «материалы по истории семьи Рыбниковых могут представлять отнюдь не узкий семейный интерес» [17, л. 2].

В правоте этого тезиса можно вполне убедиться и на примере фактов и материалов, содержащихся в главе, посвященной учебе Николая Рыбникова в Раненбургском духовном училище. В главе «Отрочество» дана яркая характеристика содержания и методики преподавания таких предметов как русский и греческий языки, закон Божий, география, представлен распорядок дня учащихся и годовой план обучения. Показано, как выстраивались отношения между младшими и старшими «бурсаками», а также между представителями различных социальных групп – «кутейниками» или «кошкодерами». Дана яркая характеристика преподавателям училища, среди них Н.А. Соколов, П.И. Чистосердов, П.Н. Скабовский. Содержатся неучтенные сведения о представителях раненбургского рода Левитиных.

Список литературы

1. **Аксенова Г.В.** Рыбниковы в истории МВЖК – Второго МГУ – МГПИ // XV Пасхальные чтения: Материалы Пятнадцатой Межвузовской научно-методической конференции: «Гуманитарные науки и православная культура». – М.: Учебно-научный филологический центр МПГУ, 2018. – С. 73-84.
2. **Аксенова Г.В.** Раненбургский купеческий род Рыбниковых в истории России // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв.: Материалы V Международной научной конференции / Отв.

ред. А.Н. Долгих, В.В. Фомин. Липецк, 6 октября 2017 г. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 31-46.

3. Безрогов В.Г. Проект Н.А. Рыбникова «История русского ребенка» // Вестник РГГУ. – 2010. – № 15: Серия «Культурология: Искусствоведение. Музеология». – С. 32-38.

4. Безрогов В.Г. Российский предшественник Филиппа Арьеса // Ежегодник Российского психологического общества 2005. Специальный выпуск. – М.: Эспан, 2005. – Т. 1. – С. 6-9.

5. Боцманова М.Э., Гусева Е.П. Николай Александрович Рыбников (обзор архивных материалов) // Вопросы психологии. – 1997. – № 6. – С. 96-108.

6. Волкова Э.П., Майкова К.А. Опись № 1 Фонда № 367 Николая Александровича Рыбникова. Машинопись. – М.: Российская государственная библиотека имени В.И. Ленина. Отдел рукописей, 1959. – 23 с.

7. Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе» / Сост. В. Безрогов, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротинина. Часть 1: 1890 - 1940. – М. – Тверь: Научная книга, 2008. – 393 с. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 2)

8. Зимина В.Г., Сафронова Г.Ф., Сидорова А.Б. Опись № 2 Фонда № 367 семьи Рыбниковых (1823 – 1955 гг.). Кк. 7-52. Машинопись. – М.: Российская государственная библиотека имени В.И.Ленина. Отдел рукописей, 1980. – 171 с.

9. Международная конференция «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России» (Москва, 1-2 октября 2009 г.) [Электронный ресурс] // НЛО (Новое литературное обозрение). – 2010. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/mezhdunarodnaya-konferenciya-istoriya-detstva-kak-predmet-issledovaniya-nasledie-f-aresa-v-evrope-i-rossii.html> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

10. ОР РГБ. – Ф. 367 (Рыбниковы).

11. Померанцева Г.Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. – М.: Книга, 1987. – 335 с.

12. Рыбников Н.А. Биографии и их изучение. – М.: тип. Н. Желудковой, 1920. – 48 с.

13. Рыбников Н.А. Введение в изучение ребенка. – М.: б.и., 1918. – 47 с.

14. Рыбников Н.А. Детские игрушки и их выбор. – М.: б.и., 1927. – 32 с.

15. Рыбников Н.А. Детские рисунки и их изучение. – М. – Л.: Государственное издательство, 1926. – 47 с.

16. Рыбников Н.А. Интересы современного школьника. – М. – Л.: Государственное издательство, 1926. – 86 с.

17. Рыбников Н.А. История моей жизни (за шестидесятилетний период моего бытия) (1880-1940), описанная на фоне двухсотлетней истории фамилий Рыбниковых. Машинопись. – М.: б.и., 1942. // ОР РГБ. – Ф. 367. – К. 8. – Ед.хр. 2. 366 л.

18. Рыбников Н.А. Массовый читатель и книга. – М.: Государственное издательство, 1925. – 87 с.

19. Рыбников Н.А. К вопросу о психологии старости. – [Б. м.]: б.и., 1929. – 29 с.

20. Рыбников Н.А. Память, ее психология и педагогика. – М. – Л.: Государственное издательство, 1930. – 86 с.

21. Рыбников Н.А. Психология и выбор профессии. – М.: Государственное издательство. Орловское отделение, 1919. – 73 с.

22. Рыбников Н.А. Религиозная драма ребенка. – [М.]: тип. Н. Желудковой, [1918]. – 16 с.

23. Рыбников Н.А. Русская педологическая литература: Систематический указатель. – Орел: Красная книга, 1925. – 64 с.

24. Рыбников Н.А. Язык ребенка. – М.: Государственное издательство, 1920. – 84 с.

25. Рыбников Николай Александрович // 100 великих психологов / [авт.-сост. Владислав Яровицкий]. – М.: Вече, 2003. – С. 109-113.

26. Рыбниковы // ОР РГБ. Дело фонда 367.

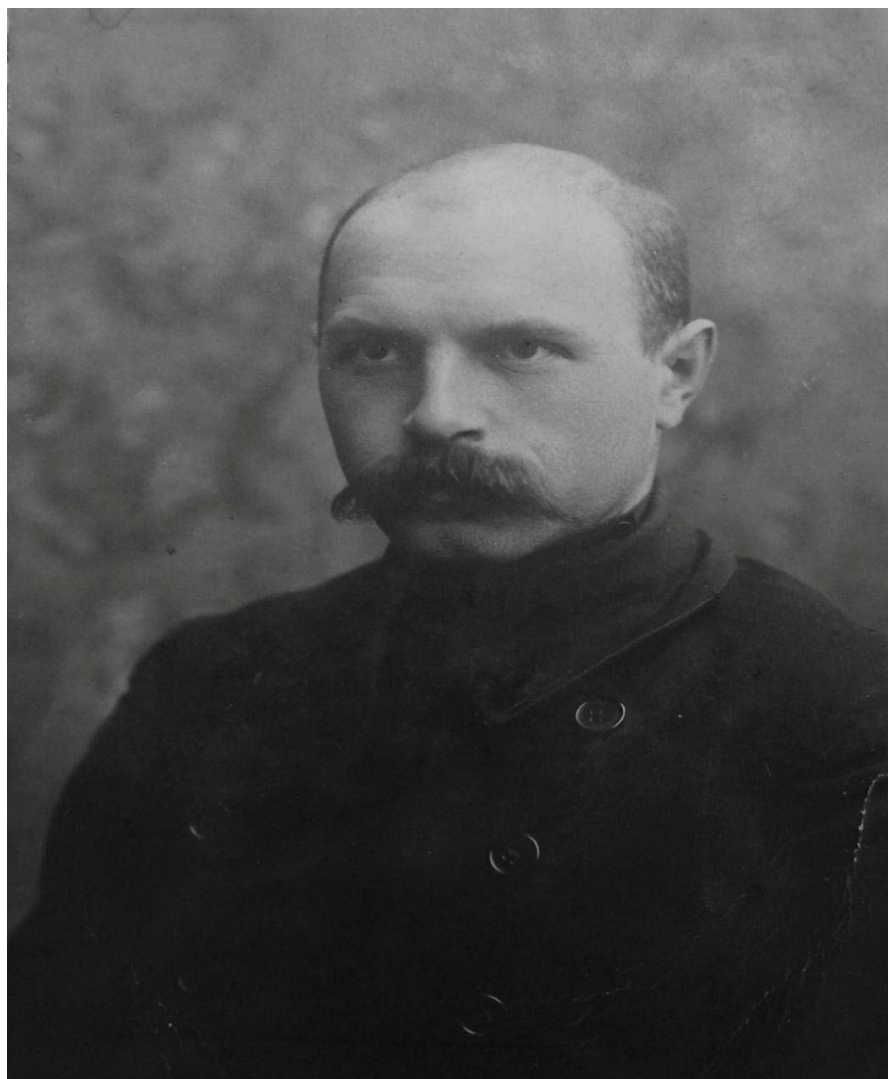
27. Спивак М.Л. Мозг отправьте по адресу. – М.: Астрель: CORPUS, 2010. – 272 с.

28. Эткинд А. Биографический институт: Неосуществленный замысел Н.А. Рыбникова // Лица: Биографический альманах. – М. – СПб., 1996. – С. 419-427.

References

1. **Aksenova G.V.** Rybnikovy v istorii MVZHK – Vtorogo MGU – MGPI // XV Paskhal'nye chteniya: Materialy Pyatnadcatoy Mezhvuzovskoj nauchno-metodicheskoy konferencii: «Gumanitarnye nauki i pravoslavnaya kul'tura». – M.: Uchebno-nauchnyj filologicheskij centr MPGU, 2018. – S. 73-84.
2. **Aksenova G.V.** Ranenburskij kupecheskij rod Rybnikovyh v istorii Rossii // Rossijskaya gosudarstvennost' v lichah i sud'bah ee sozitatelej: IH–HXI vv.: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Otv. red. A.N. Dolgih, V.V. Fomin. Lipeck, 6 oktyabrya 2017 g. – Lipeck: LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-SHanskogo, 2017. – S. 31-46.
3. **Bezrogov V.G.** Proekt N.A. Rybnikova «Istoriya russkogo rebenka» // Vestnik RGGU. – 2010. – № 15: Seriya «Kul'turologiya: Iskusstvovedenie. Muzeologiya». – S. 32-38.
4. **Bezrogov V.G.** Rossijskij predshestvennik Filippa Ar'esa // Ezhegodnik Rossijskogo psihologicheskogo obshchestva 2005. Special'nyj vypusk. – M.: Espan, 2005. – T. 1. – S. 6-9.
5. **Bocmanova M.E., Guseva E.P.** Nikolaj Aleksandrovich Rybnikov (obzor arhivnyh materialov) // Voprosy psihologii. – 1997. – № 6. – S. 96-108.
6. **Volkova E.P., Majkova K.A.** Opis' № 1 Fonda № 367 Nikolaya Aleksandrovicha Rybnikova. Mashinopis'. – M.: Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka imeni V.I. Lenina. Otdel rukopisej, 1959. – 23 s.
7. **Gorodok v tabakerke.** Detstvo v Rossii ot Nikolaya II do Borisa El'cina (1890-1990): Antologiya tekstov «Vzroslye o detyah i deti o sebe» / Sost. V. Bezrogov, K. Kelli, A. Piir, S. Sirotinina. CHast' 1: 1890 - 1940. – M. – Tver': Nauchnaya kniga, 2008. – 393 s. (Trudy seminarov RGGU «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki». Vyp. 2)
8. **Zimina V.G., Safronova G.F., Sidorova A.B.** Opis' № 2 Fonda № 367 sem'i Rybnikovyh (1823 – 1955 gg.). Kk. 7-52. Mashinopis'. – M.: Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka imeni V.I. Lenina. Otdel rukopisej, 1980. – 171 s.
9. **Mezhdunarodnaya konferenciya** «Istoriya detstva kak predmet issledovaniya: nasledie F. Ar'esa v Evrope i Rossii» (Moskva, 1-2 oktyabrya 2009 g.) [Elektronnyj resurs] // NLO (Novoe literaturnoe obozrenie). – 2010. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/mezhdunarodnaya-konferenciya-istoriya-detstva-kak-predmet-issledovaniya-nasledie-f-aresa-v-evrope-i-rossii.html> (data obrashcheniya: 2.06.2021 g.).
10. **OR RGB.** – F. 367 (Rybnikovy).
11. **Pomeranceva G.E.** Biografiya v potoke vremeni. ZHL: zamysly i voploshcheniya serii. – M.: Kniga, 1987. – 335 s.
12. **Rybnikov N.A.** Biografii i ih izuchenie. – M.: tip. N. ZHeldukovoj, 1920. – 48 s.
13. **Rybnikov N.A.** Vvedenie v izuchenie rebenka. – M.: b.i., 1918. – 47 s.
14. **Rybnikov N.A.** Detskie igrushki i ih vybor. – M.: b.i., 1927. – 32 s.
15. **Rybnikov N.A.** Detskie risunki i ih izuchenie. – M. – L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. – 47 s.
16. **Rybnikov N.A.** Interesy sovremennogo shkol'nika. – M. – L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. – 86 s.
17. **Rybnikov N.A.** Istoriya moej zhizni (za shestidesyatiletnij period moego bytiya) (1880-1940), opisannaya na fone dvuhsotletnej istorii familij Rybnikovyh. Mashinopis'. – M.: b.i., 1942. // OR RGB. – F. 367. – K. 8. – Ed.hr. 2. 366 l.
18. **Rybnikov N.A.** Massovyj chitatel' i kniga. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. – 87 s.
19. **Rybnikov N.A.** K voprosu o psihologii starosti. – [B. m.]: b.i., 1929. – 29 s.
20. **Rybnikov N.A.** Pamyat', ee psihologiya i pedagogika. – M. – L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. – 86 s.
21. **Rybnikov N.A.** Psihologiya i vybor professii. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Orlovskoe otdelenie, 1919. – 73 s.
22. **Rybnikov N.A.** Religioznaya drama rebenka. – [M.]: tip. N. Zheldukovoj, [1918]. – 16 s.
23. **Rybnikov N.A.** Russkaya pedologicheskaya literatura: Sistemacheskij ukazatel'. – Orel: Krasnaya kniga, 1925. – 64 s.
24. **Rybnikov N.A.** YAzyk rebenka. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920. – 84 s.
25. **Rybnikov Nikolaj Aleksandrovich** // 100 velikih psihologov / [avt.-sost. Vladislav Yarovickij]. – M.: Veche, 2003. – S. 109-113.
26. **Rybnikov** // OR RGB. Delo fonda 367.
27. **Spivak M.L.** Mozg otprav'te po adresu. – M.: Astrel': CORPUS, 2010. – 272 s.
28. **Etkind A.** Biograficheskij institut: Neosushchestvlenyj zamysel N.A. Rybnikova // Lica: Biograficheskij al'manah. – M. – SPb., 1996. – S. 419-427.

**Рыбников Н.А. История моей жизни
(за шестидесятилетний период моего жития) (1880-1940),
описанная на фоне двухсотлетней истории фамилии Рыбниковых (1)
(см. рисунок 6). Л. 36**

**Рисунок 6 –Николай Александрович Рыбников.
Фото. 1920-е. ОР РГБ. Ф. 367. К. 8. Ед. хр. 2.**

Глава II. ОТРОЧЕСТВО

Введение

Настоящая вторая глава автобиографии посвящена описанию учебы в духовном училище одного из уездных городов Рязанской губернии. Эта учеба охватывает период 1891-1896 годов. Описание до некоторой степени пополняет и продолжает то, что было до сих пор опубликовано в литературе. Наиболее ранние описания духовной школы дал И.П. Гиляров-Платонов о подмосковной бурсе (30-40-х годов), провинциальную бурсу той же поры описывает Д.И. Ростиславов. Но оба дают рассказы, приглаженные и благонамеренные, как и их чиновные авторы.

Несколько более поздний период характеризует в своих очерках бursы Н.Г. Помяловский ([18]50-е годы) (2). Но это описание касается воспитания духовенства в Петербурге, где семинарская дикость смягчалась столичной обстановкой.

[И.Н.] Потапенко дает описание бursы (провинциальной) [18]60-х годов (3).

[1]900 годы описывает Л.М. Добронравов (4). И.Н. Потапенко и Добронравов пишут под влиянием Помяловского и стремятся перещеголять его эффектность изложения.

Провинциальную бурсу (Вятскую) изображает С.И. Сычугов в своих «Записках бурсака», впервые напечатаны в «Голосе минувшего» 1916 г. и позднее отдельным изданием (Академия, 1933) (описывается бурса [18]60-х годов) (5).

Наиболее яркая картина дается в последней работе [А.К.] Воронского «Бурса» («Красная Новь», 1933) (6).

Л. 37

РАНЕНБУРГ 1891-1895 гг.

Отроческий период моей биографии приходится на учебу в г. Раненбурге. Раненбург – небольшой захолустный городишко бывшей Рязанской губернии. Город основан был сосланным сюда А.Д. Меншиковым (7), который воздвиг там собор, монастырь и какой-то замок, обращенный впоследствии в тюрьму. К числу немногих достопримечательностей надо отнести и Раненбургское духовное училище (8), где я проучился четыре года. Слово «проучился» не совсем точно отражает фактическое положение дела, точнее было бы сказать: «был заключен на четыре года» в это мрачное здание, очень напоминающее меньшиковскую тюрьму. Это сходство с тюрьмой усиливалось еще тем, что нижний этаж здания, примыкающего к домово́й церкви, был зарешечен. Для меня эти четыре года были годами заключения, годами схоластической зубрежки, напоминающей собой мрачное средневековье со всеми его «прелестями».

Как вышло, что я попал в эту «тюрьму мрачного средневековья». В 1891 году мне было десять лет, я кончил церковно-приходскую школу. Стал вопрос, что делать со мною, куда отдавать учиться дальше. Старшие братья учились в Москве в Коммерческом училище (9). Отец сделал попытку отдать туда и меня. Когда он повез брата Александра держать очередную переэкзаменовку, он захватил с собой и меня, я держал вступительный экзамен, выдержал (с грехом пополам, так как не мог попу Покровскому ответить в разбивку членов символ веры). Но при баллотировке на казенный кошт в Коммерческое училище я не попал, а на свое – коштное обучение у отца средств не было. Пришлось думать о другом. После долгих обдумываний и советов выбор пал на духовное училище. Выбор тот объяснялся рядом причин. Думаю, что

Л. 38

немаловажное значение имели советы местного священника Алексея Степановича Гаретовского (10), который в церковно-приходском училище преподавал Закон Божий, был вхож в наш дом и имел некоторый авторитет в глазах старших членов семьи. Некоторую роль здесь, видимо, играли мои личные данные, в частности «религиозность», «прилежность» к посещению церкви и т.д. Отец тем скорее пошел за этими советами, что у него было желание – иметь из своей семьи «духовную особу», быть может «архиерея», к которым он питал большую слабость, очень гордился своим знакомством с ними. Но самое главное – другого выхода не было, не было средств, чтобы везти в Рязань или в Москву в гимназию, а ближе и доступнее под руками ничего не было. В половине августа 1891 г. мама повезла меня в Раненбург. К этому времени была уже проведена ж.д. ветка – Богоявленск – Астапово и мы ехали по железной дороге. В памяти осталась большая поездка по железной дороге, пересадка в Богоявленске, чем самый Раненбург и училище. Ехали с намерением там остаться, так как ученье должно было начаться дня через два-три. Но по случаю ремонта ученье откладывалось на десять дней. Поэтому поехали обратно вместе. Дома меня не ждали, и мама решила сделать сюрприз. Моего возвращения никто не видел, я спрятался в столовой под стол и вот, когда мама рассказывала о своей поездке с «Кокочкой» – «Кокочка» сам появился из-под стола собственной персоной.

Конечно, десять дней отсрочки прошли быстро и 1-го сентября мы опять поехали в Раненбург, где мне первый раз в жизни нужно было остаться одному. Мама старалась сгладить тяжесть разлуки, адресовалась по преимуществу к надзирателю (и название-то тюремное) А.И. Гусеву с просьбой взять меня под свое

Л. 39

покровительство. Тот охотно обещал и действительно повел меня после отъезда мамы в кладовую, где надо было оставить вещи. Кладовая состояла сплошь из выдвигаемых ящиков, у каждого воспитанника был свой собственный. Мне надзиратель отвел № 77, куда я и стал укладывать свои пожитки. Сам Гусев быстро исчез, оставив меня одного среди незнакомых ребят. Они обступили меня, критически оценивали содержимое № 77 и стали выяснять, из каких я – «кутейников» или «кошкодеров». Для меня эти вопросы были совсем непонятны. Какой я «кошкодер»? Этим названием ребята именовали городских мещан, из которых некоторые занимались собиранием и выделкой кож (в том числе и кошачьих). Я был отнесен к числу «кошкадеров», каковых было меньшинство и которые были своего рода «париями». Я сразу как-то почувствовал, что это был другой, чуждый для меня мир, где царит другая терминология, свои собственные взгляды. Эти взгляды мне показались довольно странными. Ученики очень критиковали мой багаж, особенно подчеркивалось отсутствие в моем «имуществе» «жратвы» – это так и было на самом деле. Правильность этих замечаний я вскоре понял, ибо без этой добавочной «жратвы» обойтись было трудновато. Заботливые и более осведомленные дьячихи и дьяконисы, отправляя своих чад, снабжали их таким количеством съестного, в частности лепешками, что я был сначала прямо поражен. Потом лишь понял, что это объяснялось слабой постановкой продовольственного вопроса в училище.

Помимо непонятных для меня слов скоро воспоследовали и непонятные поступки. Неожиданно я получил здоровый щелчок ни за что ни про что – это, оказывается, развлекался здоровый детина, измывавшийся над новичками, пробуя силу своих рук. Рукам, физической силе, вообще говоря, отводилось во взаимоотно-

Л. 40

ношениях учащихся первенствующая роль, особенно в младших классах. Фактическими вожаками, вернее «тиранами» были наиболее сильные и здоровые ребята. Они позволяли себе измываться и изводить более слабых, как только хотели. Первый год я был помещен в нижнюю спальню, где безраздельно царил некий детина Мелиоранский. Он завел в спальне такой порядок, чтобы все малыши подходили к нему и на сон грядущий получали «благословение» – здоровый щелчище. Не знаю, ведало ли об этих издевательствах наше начальство. Думаю, что знало, но не боролось с ними, считая его совершенно нормальным. Этот культ физической силы царил довольно долго, лишь в старших классах начало преобладать вожачество по интеллектуальной линии.

Выходцу из сравнительно культурной среды, мне было чуждо новое окружение не только в силу своеобразия словаря, некоторой грубости, но и в силу удивительной практичности – утилитаризма. Это были практически очень подкованные люди. Когда у меня отрывалась пуговица, рвалась одежда – я был совершенно беспомощен, не знал, как и что надо было сделать. «Кутейники» же с этим справлялись легко и быстро. Мама, зная мою беспомощность и неприспособленность мою, решила прикрепить меня для этой цели к бабушке Медведевой, жившей с какой-то воспитанницей на покое в «Анбурге» (так большинство называло Раненбург) (11). К ней я должен был ходить каждое воскресенье, чтобы она ремонтировала мой костюм, наблюдала бы за общим его порядком. Ходить к ней было скучно, правда, она немножко подкармливала меня (в училище даже в праздник кормили недостаточно). Вообще говоря, с образом этого оригинального типа, Медведевской бабушки, у меня связались больше вкусовые впечатления. Приезжая к нам на станцию, она привозила лубяной ящик калужского теста,

Л. 41

казавшегося мне невероятно вкусным. Эти стародавние ассоциации чуть не стоили мне жизни. Были мы с Шапошниковым в Калуге в мае 1933 г. Вспоминали бабушку Медведеву, захотелось бабушкиного калужского теста. Пopsрошав кое-кого, выяснили, что теста найти можно. После долгих поисков нашли и взяли по полкило. По виду это тесто напоминало бабушкино калужское тесто, но по вкусу было настолько отвратное, что его есть можно было, лишь рискуя жизнью.

Духовное училище было конфессиональным учебным заведением, готовящим церковнослужителей (причетников, дьячков, псаломщиков), в то же время оно являлось первым звеном по подготовке более квалифицированного духовенства. Нельзя было поступить в семинарию, не окончив духовного училища. Эта специфичность подготовки сказывалась и на качественном подборе предметов и на методике преподавания. Метод преподавания был до чрезвычайности схоластичен, дело сводилось попросту к зубрежке, текстуальному усвоению огромного количества материала, механическое зубрение как метод преобладало решительно в отношении всех предметов, будет ли это греческий язык, география, катехизис. Эта механическая зубрежка довлела надо всей системой учебы. Вот Аристарх Никольский (12) учит греческие слова: зажав уши, он ходит из угла в угол, изредка заглядывая в книгу, ходит час, ходит другой. Усилия надзирателя прогнать его хоть бы на час во двор – тщетны. Никольский зубрит, пока не только заучит значение слов, но и порядок их расположения в учебнике, ибо «грек» (Н.А. Соколов (13)) спрашивал слова

подряд, и на этом «подряд» иногда сбивал ученика. «Оригинальность» опроса выражалась еще в том, что русский текст слов стоял перед глазами спрашивающего, «грек» закрывал рукой греческий текст. Никаких отклонений от порядка не было, вот почему приходилось запоминать

Л. 42

не только слова, но и их порядок. И вот теперь, спустя 42 года, я помню, что ἀγορά (14) стоит рядом с ἀβικία (15) и т.д. Так заучивали слова. Но такой же примерно порядок полагался и для правил грамматики и синтаксиса. Конечно, ничего похожего на объяснения и в помине не было, приказывалось заучить «от сих до сих» и больше никаких. Этот «грек» был очень типичный преподаватель бursы. И худшего педагога не могло бы нарисовать самое богатое воображение. Ученика он спрашивал, как-то страшно завывая и делая при этом страшные глаза. В классе он никогда не садился, а носился из угла в угол, шагая большими шагами и как-то странно раскачиваясь. Иногда в класс появлялся почему-то в шубе, наброшенной на плечи. Придя в класс, он начинал истово креститься под чтение «Царю Небесный» на греческом языке. Когда молитва оканчивалась, он поворачивался лицом к классу, с минуту всех оглядывал и отвечивал классу поклон, внимательно наблюдал за глубиной ответного поклона учеников. Любил, если ему кланялись низко. Слабый в греческом языке «кошкодер» Николай Хромин (16) в случае трудного урока иногда даже кланялся земно. Недостаточно глубокий поклон обуславливал немедленный вызов к доске и получение «кола». Я помню, как получил от него кол за то, что, возясь в коридоре, налетел на «грека» и чуть не сшиб его. Другой раз была неприятность из-за того, что, играя во дворе в лапту, я нечаянно залепил в него литым мячом – тоже последовал вызов с неудовлетворительной отметкой. Первое время к такому сумасшедшему педагогу приспособиться было трудно, я получал колы и двойки и во втором классе, где начался греческий, в первое полугодие имел двойку, единственную двойку за все время пребывания в училище. Но

Л. 43

годовую имел четверку, а в третьем и четвертом имел и пятерки. Важно было понять, чего этот, с позволения сказать, педагог требовал от ученика. А, поняв эти требования, сводившиеся к механической зубрежке, надо было вы зубрить. Вот и зубрили, зубрили так, что чертям тошно было. И таким педагогам поручили целиком несчастных ребят. Между прочим, когда я кончал училище, то «грек», считая меня способным, очень убеждал идти в семинарию, говоря, что из меня выйдет толк. Не знаю, вышел бы толк или нет, но благодаря его «таланту» греческий язык (вообще «языки») я здорово возненавидел и, главное, так и не достиг его до конца, хотя времени на его изучение затратил в общей сложности изрядное количество.

Вида был «грек» страшного, очень походил на цыгана, манера говорить и ходить была соответствующая этому виду. Говорят, впоследствии он постригся в попы и получил приход в селе Кривополянье (пригород г. Раненбурга) (17). Будучи педагогом, он ходил в домовую церковь училища, причем молился с такой экспрессией, что было страшно на него смотреть. Вообще молились в училище изрядное количество времени. Распорядок дня регулировался молитвами, которых в течение дня было целых полдюжины. Проснувшись и умывшись, мы строились в пары, и нас вели в церковный притвор, читались утренние молитвы. После молитвы шли на завтрак – пшениный кулеш с маслом. После завтрака пили чай и шли в класс повторять уроки. В 8 ½ опять строились в пары и шли в церковь, где уже читали подробный репертуар утренних молитв, с обязательными коленопреклонениями в определенных местах и частичным коллективным пением. Эта возможность активного участия вносило некоторое оживление в монотонное и скуч-

Л. 44

ное чтение огромного числа молитв, тем более, что некоторые из них читались уже второй раз. Выходили из церкви парами и в притворе прикладывались к иконе (митр. Филиппа). Не просто прикладывались, но еще прикасались лбами к иконе. Это тыканье лбами было не всегда одинаковым, все зависело от того, какое было расписание в этот день. Чем труднее были уроки, тем больше было тыканья. Однократное тыканье давало перестраховку лишь на один урок, чтобы перестраховка была на весь день, нужно было тыкаться четыре или пять раз – в зависимости от расписания. Но не только число тыканий, но и качество их зависело от уроков: всего выразительнее было тыканье, когда в расписании стояло – «греческий язык».

Из церкви расходились по классам и начинались уроки, причем перед и после каждого урока тоже читались молитвы (перед греческим – по-гречески).

Уроки кончались около двух часов. После них вели на обед. Опять две молитвы. После обеда свободное до 4 ½ часа время. Полагалось идти во двор гулять, но зимой это имело место редко, публика слонялась по коридору, углам классов, присяжные зубрили имели свой укромный уголок, где уже заводились по части зубрежки. В пять звонок на чай, а в 6 садились за приготовление уроков. Зубрили зубрили без конца, заткнув уши и уткнувшись в книгу. В 8 ½ ужин, опять две молитвы, в 9 вечерняя – довольно длительная молитва (с пением и коленопреклонением) в церкви, откуда расходились по спальням. В 10 часов полагалось спать. Дневная доза молитв отпускалась изрядная –

целых двадцать раз в день нас «молили», два раза в церкви, около получаса, с пением и коленопреклонением. Но молитвами и церковностью накачивали не только перед уроком, но и изрядная часть уроков состоя-

Л. 45

ла из церковного и богослужебного материала. Взять хотя бы русский язык. В четвертом классе занятия по русскому и церковно-славянскому языку состояли в том, что целый час занимались заучиванием и разбором богородичных ирмосов, тропарей и т.д. Разбор был самый формальный и схоластический, давалась интерпретация отдельных слов с точки зрения грамматики и синтаксиса.

Между прочим в 3 и 4 классе русский язык преподавал некий Ник. Ив. Левитов, окончивший Академию, из многочисленной семьи Левитовых, раненбургских соборных протопопов (18). Этот Левитов был определенно больной человек, никогда ничего не объяснявший, больше всего обращавший внимание на то, чтобы ученик не молчал. О том, что он учитель и что надобно задавать урок, он обычно вспоминал во время молитвы, которая тот час же после звонка читалась дежурным. И вот, во время молитвы, крестясь, Н.И. бормотал: «К следующему разу возьмите для разбора Богородичен 7-го гласа». Вот мы и сидели целых два года (3 и 4 кл.) на разборе богородичных, ирмосов, тропарей и т.д. Главное же, эти ирмосы, тропари, кондаки, богородичны не просто разбирались, но и зазубривались. Зазубривались со стороны словесного и формы их исполнения, мотива. Но этого мало. Кроме обширного богослужебного материала, заучиваемого со стороны формы и мотива, зазубривался не менее обширный материал из Евангелия и Библии. Это заучивание шло по линии преподавания катехизиса и священных историй (Ветхого и Нового Завета).

Катехизис преподавал Павел Иванович Чистосердов (19), симпатичный на вид толстяк с черной окладистой бородой. Он

Л. 46

требовал текстуального заучивания этого «бессмертного творения Филарета» (20), ибо лучше его не скажешь. Так как никакого объяснения никогда не было, многое было непонятно и это непонятное, бессмысленное заучивалось и отвечалось дословно. Лишь бы была дословность, а о понимании ни учитель, ни ученики не думали. Но хотя «лучше Филарета не скажешь», все же катехизис пополнялся целым рядом отрывков из Евангелия, Библии. Помню, несколько дней ушло на зазубривание апокрифической картины Страшного Суда – текстов в 2-3 страницы. И на такие «бесплатные приложения» к Филарету Чистосердов не скупился, охотно давал их, не говоря уже о том, что у самого Филарета этих текстов более чем достаточно. Конечно, ни одного текста выпускать не полагалось. Не полагалось изменять или переставлять слова не только текстов, но и в изложении самого Филарета – вот и зубрили, зажав уши, потому что преподавал «сам» смотритель, а его мнение об ученике имело для судьбы ученика решающее значение.

Священную историю преподавал помощник смотрителя Петр Николаевич Скабовский (21), более яркая личность, игравшая куда более заметную роль в судьбе учащихся, чем смотритель. Скабовский и жил в помещении училища, часто и внезапно появляясь в классах, столовой, спальне и т.д. Его боялись больше всего, так как он был вспыльчив и грозен. В противоположность флегматичному Чистосердову холерик Скабовский был вспыльчив и драчлив. Ко всем прочим прелестям системы Скабовский от себя добавил побои по щекам, иногда изрядно и до крови (у него на пальцах были кольца). И вот эта гроза и ужас училища преподавал Закон Божий, и ему приходилось учить истории дословно. К истории он тоже добавлял тексты Библии и тропари праздников, истории которых проходились. Лично ко мне Скабовский почему-то благоволил, у меня с ним ни разу не было серьезных столкновений.

Л. 47

Священную историю я постиг еще у Гаретовского, тропари заучивал недурно, так как памятью располагал недурной. Но мне часто приходилось быть свидетелем вспышек Скабовского, жестокой расправы с беззащитными ребятами и поэтому у меня в отношении его сложилось очень отрицательное отношение. Особенно было неприятно стояние рядом с ним в церкви, когда меня в третьем классе назначили подстаростой – старостой церковным был Чистосердов, стоящий за ящиком, – Скабовский стоял впереди ящика, а я рядом с ним. Иногда мне приходилось выполнять его поручения по части замечаний ученикам: «Сходи, скажи Чесалину, чтобы не зевал в церкви».

Когда в 1914 г. читал на курсах в Учительском Доме лекции, то один Скопинский учитель передал мне привет от Скабовского: если бы он знал, какое у меня о нем воспоминание, едва ли стал присылать привет.

Помощником инспектора были два надзирателя, окончивших семинарию молодых паренька, отбывавших эту повинность прежде, чем взять какое-нибудь поповское место. Я бы не сказал, что они были дурные люди, – нет, но они были лишь слепыми исполнителями велений Скабовского и того режима, который был раз навсегда установлен. Они наводили порядок во время перемен, во время подготовки уроков, присутствовали во время гулянья во дворе и т.д. Крупных дисциплинарных мер они не предпринимали, чаще всего оставляя это право за Скабовским. Но все же оставить без обеда, поставить столбом и кое-какие другие неприятности для учащихся они могли сделать и делали изрядное количество. Они были надзирателями в подлинном смысле слова, а не воспитателями, с воспитательными приемами не

Л. 48

были знакомы, действовали так, чтобы было тихо, не было скандалов. А какими приемами это достигалось – их мало интересовало. Дежурили они через день, почти целый день были с учениками, но учениками, их жизнью совсем не интересовались. Не помню, чтобы общение с ними когда-либо вышло за пределы чисто формальных отношений надзирателя к надзираемому. Даже в младших классах, когда ребята были совсем беспомощны, от них не слышно было слова утешения и подбадривания. А первый год училищной жизни был для меня особенно тяжел: и потому, что сильно скучал по дому и не привык к новой и необычной среде, и потому, что над малышами уж очень издевались старшие ученики. Впоследствии это не так было заметно: образовались приятельские связи, все с кем сошелся поближе. А на третьем году пребывания в училище поступили брат Митрофан (22) и братья Мартыновы (Николай и Владимир) (23) – наши станционные приятели. Интересно отметить, что все мои друзья по училищу были из компании «кошкокодеров»: Абрамов М. (из «Благих», сын сельского торговца) (24), Лыков Иван (сын волостного писаря) (25), Бажанов Степан (сын митягинского управителя) (26) и др. Думаю, это было не случайно – категория «кутейников» была какая-то особенная, чуждая нам по духу, какая-то удивительно жадно-практическая. Что больше всего в ней претило – это попрошайничество, вообще сильно развитое в училище. У «кошкокодеров» этого совсем не было выражено. Не знаю также, случайно ли или нет, но лучшие ученики обычно тоже были из «кошкокодеров», хотя у кутейников, казалось бы, было больше предпосылок по части знания богослужения, текстов и т.д. Даже для прислуживания в церкви почему-то wybranными оказались «кошкадеры» –

Л. 49

в алтаре прислуживал мой приятель Абрамов (мы с ним года два сидели на одной парте), у свечного ящика прислуживал я. Для кружечного сбора я брал себе в помощь Никитина, дворянского сына, позднее поступившего в лицей. «Классовый» принцип здесь едва ли нужно объяснять, ибо Лыков, например, был типичный пролетарий, никогда не попрошайничающий, а среди кутейников были сынок Раненбургского протопопа Василий Левитов (27) и сын Якимецкого (28) дьячка Василий Мелиоранский (29) – между их социальным положением дистанция была очень большая. Правда, изредка и среди кутейников попадались ребята, с которыми можно было иметь дело, таков, например, был мой сосед по парте в 4-м классе Дмитрий Тихвинский (30) и далеко от меня сидевший Николай Краснов (31) – оба дети поповские, позднее – сами попы. Краснов был незаурядный парень, долго не мирившийся с тем, что приходилось зазубривать, ничего не понимая. Помню, как он огорчался, плакал, не будучи в состоянии понять семи свойств Божьих. Но это было в начале, потом и он приспособился к требованиям средневеково-схоластической зубрежки.

Большинство учителей было академиками (окончивших академию). Если Академия давала им некоторую подготовку по части преподавания богословия и церковных дел (хотя и здесь педагоги они были никуда не годные), то в отношении общеобразовательных предметов они были из рук вон плохи. Географию преподавал в 3 и 4 кл. Петр Константинович Орнин, буквально неграмотный (в отношении географии) человек. Даже тот материал, который был в кратком учебнике, ему не был достаточно знаком. Нахождение географических точек на карте (особенно на немой) для него было делом трудным. Конечно, никаких объясне-

Л. 50

ний, иллюстраций не полагалось. Да и чего можно было ожидать от человека, знавшего меньше, чем некоторые из нас. В младших классах Орнину приходилось преподавать математику – и тоже с таким же успехом. Такая переборка «академиков» была вещью обычной. Видимо, считалось, что они могут преподавать все. Но это были даже не люди в футляре, а просто педагогически неграмотные люди, не знавшие педагогического предмета, не интересующиеся преподаванием, отбывавшими скучную преподавательскую повинность за казенную стипендию или еще почему-либо. Именно у Орнина мне пришлось изучать начала математической премудрости. Думаю, что моя слабость в этой премудрости отчасти зависит от «талантов» первого преподавателя. Помню, как мы по его приказу зазубривали по учебнику, что такое горизонт, что такое экватор, меридиан и т.д. Все эти определения зазубривались также, как мы зазубривали катехизис, тропари, ирмосы и т.д. Конечно, такой подход к интереснейшему географическому материалу создал такую установку, что география есть зубрение номенклатуры городов, рек, стран и т.д. Самого существа географического объекта в Раненбурге я не получил, да и в дальнейшем для меня – самоучки – этот предмет так и оказался невскрытым. Из общеобразовательных предметов в училище были: русский, география и арифметика. Русский язык был так насыщен церковно-славянским элементом в младших классах, в старших – и церковным и богослужебным элементами, что грамматика и синтаксис проходились кое-как – дальше же синтаксиса (Кирпичникова (32)) дело не шло. О преподавании географии и арифметики говорить не приходится – эти предметы были поставлены ниже всякой критики. Да общее образование и не было целью школы,

Л. 51

учреждения чисто конфессионального, готовящего церковных спецов низкой квалификации. Поэтому церковные богослужебные предметы доминировали над всем. Я уже говорил, как изучались катехизис и Священная история. Завершением всего этого в 4 кл. было «Богослужение», считавшееся церковным предметом и преподававшееся смотрителем Чистосердовым. Здесь учащимся поручалось править службы – часы, полунощницу, повечерье и т.д., причем особенное внимание обращалось на случаи казусные, например, «какой тропарь надо петь, если Пасха придется в Благовещение, если Крещение придется в субботу» и т.д. Ученик должен был быть в курсе дела Триодей постных и цветных (33), знать, как править все церковные службы типовые и казусные. Помимо зубрежки это знание достигалось очень частыми богослужениями, которые были своего рода «производственной практикой» для учащихся. Начиная со 2-го класса, они должны были постепенно включаться в активное участие на клиросе: сначала читали 9-й час, потом «часы», потом «шестопсалмие» и т.д. Такая «практика», соединенная с теорией (вернее – зубрежкой порядка чередования разных канонов и кафизм), делала кончающих квалифицированными пономарями и т.д. Прошло более 49 лет, как я был приобщен к этой церковно-богослужебной премудрости. Но я до сих пор помню порядок «великого повечерья», «6-го и 9-го часа» и т.д. Помимо теории и практики постоянное присутствие в домовой церкви обеспечивало усвоение всех этих богослужебных тонкостей. В церковь ходили не менее двух раз в день, а в праздник и накануне праздника, а также в среду и пятницу, постом – по четыре раза в день. Что касается обеден и все-

Л. 53 (34)

нощных, то они мало чем отличались от того, что бывало и в других церквях. Отличались они только большей полнотой и торжественностью. Специфической особенностью были великопостные часы и преждеосвященные обедни, на которые нас водили каждую среду и пятницу. Это делалось главным образом за счет сокращения перемен, особенно большой, так что и теории (зубрежка) и практики церковно-служебной и богомольственной было больше, чем надо – молились, вернее «молили» нас до бесчувствия. Конечно, при таких многочасовых молениях вырабатывались своего рода защитные рефлексы: ребята, стоя в рядах, незаметно занимались посторонним делом, старались чаще менять позу, подниматься и становиться на колени. К активному участию в богослужении привлекались по очереди. Выступлению в церкви предшествовала репетиция, устраиваемая попом отцом Никандром Любимовым (35) или дьячком Аксеновым (36). Волений для дебютанта было изрядное количество, так как и эта подготовка велась методами мало педагогическими.

Помимо чтения на клиросе ученики принимали участие в пении как на клиросе (под руководством дьячка Аксенова) и на хорах, где дирижировал наш учитель пения Петр Анисимович Климов (37). О нем, как учителе, стоит сказать пару слов. Он был дьячком в соборе и там тоже регентствовал, позднее перешел в Рязань регентом архиерейского хора. Его творчеству принадлежат несколько церковных пьес: «херувимская» и др. Серьезного музыкального образования он не имел, но свое дело любил и увлекался им – пенье нашего хора славилось на весь город, хор ходил слушать многие любители. Но как

Л. 54

преподаватель пения он был неважный: система была примитивная, он показывал, как надо петь и заставлял повторять спетое или сыгранное. Редко давались указания, как технически это надо было выполнить. Мне эти «гласы» и «прокимны» давались с большим трудом. По пению я не был успевающим, как по другим предметам. Но Петр Анисимович к моим «успехам» относился очень снисходительно, посылал отцу просфоры и поклоны. Он, недоучившийся дьячок, был почти единственный (кроме Н.Ф. Федотьева – о нем речь впереди), кто с нами говорил по-человечески. Правда, слов у него было немного, так как он сам был человек неученый. Но желание хотя немножко прилагать было. Для учащихся он не был особенно авторитетен, за его уроком дисциплина была слабая. Петр Анисимович выходил из себя, кричал на класс, ругал нас «халдеями», «хананеями», оставлял без обеда, но всегда после урока всех прощал. Однажды перед его уроком дежурный прочел молитву по-гречески (как это делал перед уроком греческого языка). Сначала Петр Анисимович крестился, но, прислушавшись, креститься перестал, не поздоровавшись, сел за стол и стал плакать. «Ты что ж, дежурный, смеешься надо мной. Может, ты меня ругал, а я под твою ругань Богу молился», – таков был наш «учитель», да еще один из лучших, если сравнивать с сухарями-академиками.

Счастливым исключением из этой плеяды академических бездарностей представлял учитель латинского языка Николай Федорович Федотьев (38). Высокий, полный, живой, всегда подвижный он успел заинтересовать даже такой скучнейшей материей, как латинский язык. Методы заинтересовать были разнообразны.

Л. 55

Прежде всего он очень широко применял мнемонику. Каждое или почти каждое заучиваемое слово он стремился связать ассоциативно со знакомыми вещами. Как сейчас помню объяснение им первых слов, заучиваемых по учебнику Михайловского: ато – люблю. Начинается разговор примерно такого характера: «Ну как тебя встречает мать, когда приезжаешь на каникулы». Спрошенный отвечает: «Здравствуй». Н.Ф.: «Нет, не здравствуй, а – "А, мой милый

приехал". – Почему она говорит "а мой", потому что любит тебя, ато – любить, вот и запомни. Comodus – удобство. А разве комод не удобство. Illustro – украшать. А разве – картина, иллюстрация не украшение» и т.д. Так каждое слово иллюстрируется и ассоциируется. Н.Ф. делается это живо, образно, главное же – это было так необычно для нас. Применял Н.Ф. также метод поощрения, соревнования. Перед зачетом или четвертными отметками заявлял, что четвертники получают право на розыгрыш альбома, или на фотографию класса. А он изредка снимал и действительно разыгрывал фотографии. Различные правила и материал латинской грамматики он тоже всячески объяснял и стремился создать ассоциации. Все это создавало такие условия, что латынь мы учили сравнительно легко, не как ненавистный греческий язык. Весь курс у Н.Ф. был так дозирован, что было точно предусмотрено повторение, возврат к прошлому и т.д. Обычно годовой курс проходил в половине второго полугодия, а вся четвертая четверть шла на повторение. Его предмет знали и неуспевающих было очень мало. Очень нам нравилось в нем объективные оценки. По зачетным письмен-

Л. 56

ным работам, по экстермпоралиям у него была выработана шкала ошибок, которой он точнейшим образом придерживался независимо от того, кто эти ошибки делал. Под каждой письменной работой неизменно стояла подпись ЕР (число ошибок) = (бал). Чит. Ник. Федотьев.

Оценивая методику Н.Ф., теперь видишь, что подход к языку был чисто внешний, дело сводилось к созданию чисто внешних, механически пристегиваемых ассоциаций; эти ассоциации никакой связи с самим языком не имели. Его система страдала теми же недостатками, как и всякая мнемоническая система. Но здесь и системы не было, а чисто внешнее связывание со случайными ассоциациями, по сходству и т.д. Но все же на фоне той мертвящей зубрежки, которая безраздельно царила в школе, это было большим облегчением, хотя, конечно, знания языка, духа его, интереса к языку выработать не могло. Не знаю, потому ли, что к языкам я вообще не способен и латинский язык до конца дней своих не знаю, хотя готовился и на аттестат зрелости, два раза держал экзамен в Университете, много работал по нему для магистерского экзамена и т.д. Возможно – пойми я дух языка, его природу, я бы заинтересовался и иначе воспринял бы его, углублял бы в дальнейшем эти знания.

Н.Ф. Федотьева мы ценили не только как латиниста, умевшего облегчить нам усвоение латинских вокабул, но и как человека, приоткрывшего нам дверь в художественную литературу. Между вечерней молитвой и сном у нас было около часа свободным. Это время проходило в слонянии или в рассказах разных страшных историй и случаев. Н.Ф. предложил устроить в эти часы чтения, принес Гоголя и в ряде вечеров

Л. 57

прочел нам «Мертвые души», давая некоторые комментарии. Потом читал и других авторов, указывал, кого еще надо прочесть и т.д. Вообще говоря, Н.Ф. бесспорно сыграл некоторую культурную роль, подведя нас к русской художественной литературе, заинтересовав нас, и дал некоторые указания для дальнейших шагов в этом направлении. Помнится, он был и библиотекарем училищной библиотеки, давал консультацию при выборе книг. Но книг приходилось читать до смешного мало – некогда было, зубрежка поглощала все время. На самом деле, в течение будничного дня столько зубрили и молились, что для чтения времени оставалось мало – только после вечерней молитвы и сном был часок, но обстановка в классе (другого помещения не было) была такова, что мало располагала к чтению. Да просто – это не было принято, лишь в старших классах выделилась группа «чтецов», по преимуществу из способных учеников, возможно не без влияния Н.Ф. Федотьева. Ко мне почему-то Н.Ф. относился хорошо, при встрече с кем-нибудь подчеркивал, что «этот мальчик из интеллигентной семьи». Помнится, одна подобная встреча была в магазине Н.В. Волкова, где почему-то часто толкался Н.Ф. И здесь разговор зашел на ту же тему. Думаю, что об интеллигентности семьи информировался Н.Ф. от Волкова, который был женат на Саморуковой, нашей соседке.

Памятна нескладная высокая фигура отца эконома, дьячка Вознесенской церкви: рыжий, нескладный, высокий, ходил как-то странно раскачиваясь. От него приходилось удирать, когда ходили мы на промыслы за хлебом. Почему-то перед ужином всегда очень хотелось есть, ходили на промысел к «хлебо-

Л. 58

дару» Фоме. Один заговаривал Фому, другой «охотился» за хлебом. Вот рыжий эконом и вел беспощадную борьбу с этими «охотниками». Вообще же он кормил учащихся неважно. Утренний завтрак состоял из пшениного кулеша с куском хлеба. Почему-то этот кулеш тогда казался очень вкусным. Когда в годы голодовки мне пришлось попробовать такого кулеша – он вовсе не был таким вкусным, как много лет тому назад в Раненбурге. После завтрака был чай, хлеба к нему не давали, давался только кипяток. Затем обед в 2 ½ ч. из двух блюд. На первое суп или щи (мясные или рыбные в зависимости от дня недели), на второе – неизменная каша (гречневая или пшенная). Кушанье подавалось в общей миске, из которой «хлебало» четверо; если «хлебово» было суп – сначала ели только жидкость, а потом уже по команде старшего начинали (вернее, бросались) есть мясо. Спешили страшно, так как порции были

ограничены и прибавки просить не полагалось. «Хлебали» деревянными ложками. Тарелки давались лишь по праздникам, когда на второе была жареная рыба или мясо. Ужин был почти такой же, как и обед.

В качестве наказания практиковалось оставление «без обеда» – оставленные шли в столовую, где должны были стоять и смотреть, как другие едят. «Безобедников» Скабовский (если не сам оставлял) спрашивал, кто и за что оставлен, ругал, иногда усиливал наказание, иногда отпускал есть второе. Порции были недостаточны и поэтому есть часто хотелось. Запасливые кутейники привозили с каникул уйму съестного, собранного по приходу. «Кошкадеры» были глупее и особых запасов у меня никогда не было. Обычно из

Л. 59

дома давали карманные деньги (что-либо вроде рубля, чего хватало не на долго). Главный расход – это покупка съестного в большую перемену. Приходил булочник Увар, у которого были вкусные булочки и полюшки, и Федосеевна – старушка, продававшая жареные на масле оладьи. Сблазн был велик, и от рубля скоро ничего не оставалось. За полугодие я здорово худел, хотя недостаточная еда была лишь одной из причин, главная же причина – режим и тоска по семье. Помню, с каким нетерпением ждал каникул, высчитывал дни, часы и даже секунды отпуска. На масленицу первый год за мной должен был приехать Зоркин (39). Наступил день каникул, большинство разъехалось, а Зоркина все нет и нет. Зато как же я был рад, когда он появился, как мы с ним парой гусей залились на Александр-Невск. Но на лошадях ездить приходилось реже, чаще всего ездили по железной дороге, с пересадкой в Богоявленске. Кроме Рождества и Пасхи отпускали на масляную. На летние каникулы отпускали поздно – 24 июня, целый месяц шли экзамены, начинавшиеся 21 мая. Накануне письменных испытаний нас водили на прогулку в Петропавловский монастырь (40), версты за две, где устраивались игры, купались, снимались, служили молебны о благополучных экзаменах, прикладывались к несуществующим мощам «почивающим под спудом» трех святых: Пьера (не Безуховали), Мелхисидека и Нафанаила (41). Из-под гробниц этих «святых» брали «святой» песок, чтобы им присыпать письменные работы. Если и в течение всего года зубрежки было много, то в «экзаменационный месяц» зубрили буквально до одурения. Разбредались по разным уголкам. Помню, мы с Тихвинским выбрал

Л. 60

себе «уголок» за открытой дверью ворот. Там и пребывали почти целый день, выходя лишь поесть и помолиться – моления не отменялись и во время экзаменов. Экзаменовали серьезно, приглашались почетные лица, обставлялись торжественно. Спрашивали по билетам, сжулить и увильнуть от ответа на вопрос билета было довольно трудно. Эта страда продолжалась ровно месяц. Лишь в конце июня, совсем измотавшихся, нас отпускали домой.

Когда я был в третьем классе, со станции привезли в училище Мартыновых и брата Митрофана. Хотя это были постоянные мои компаньоны по играм дома, но их поступлению в училище я не был рад. Одно дело дома, другое – в училище, где всякое проявление родственных и подобных чувств так здорово высмеивалось, что бывало, не смотря на всю радость приезда матери – бывало очень тяжело видеть, как «кутейники» наблюдают за каждым проявлением чувства, чтобы потом высмеять это. Кроме того, вся тяжесть училищного гнета дома почему-то не рассказывалась (слов ли не находилось, было ли желание скрыть от родных). Теперь же был живой свидетель всего этого – и это было не совсем приятно. Но все же теперь у нас было свое «землячество»: чай пили мы своей компанией, в столовой сидели за одной миской, спали компанией в спальне. Компания состояла из пяти человек, к ней примыкал Миша Абрамов, он был раньше знаком с Мартыновыми, а со мной сидел с первого класса. Наша пятерка разбивалась на две подгруппы: в первой был Абрамов, Николай Мартынов и я, во второй – Владимир Мартынов и брат Митрофан. Так как Мартыновы были на два класса моложе ме-

Л. 61

ня, то встречались мы главным образом по вечерам, в спальне долго болтали с Ник. Мартыновым и Абрамовым. Разговоры шли о страшных историях, но иногда Абрамов хвастался своими любовными успехами, к нему временами присоединялся и Ник. Мартынов, но больше сочинял. Мартыновы были ребята недалекие, поучиться у них чему-нибудь хорошему не было. А Николай Мартынов был к тому же грубоват. Дружбы у нас с ним настоящей не было, хотя у меня была тенденция дружить с младшими ребятами. Кроме Абрамова, с которым мы как-то быстро сошлись, ближе других я сошелся с Лыковым, Боженковым, Сербариновым (42) – последний любил читать и авторитетно рассказывать о прочитанном – парень был неглупый, но несколько замкнутый и неподвижный. Себя я тоже причислял бы к подобной категории, возможно на этой почве у нас образовалось некоторое содружество. Своеобразно выражались у нас симпатии к тем или другим ученикам. Самой распространенной игрой была игра в «балльник». Заводился «балльник», в который вписывался весь класс. Затем отдельным ученикам ставились баллы, качество которых зависело от симпатии к ученику. Балльник показывался другим ученикам, так что обычно знали, каким баллом кто оценивался.

Другая игра в крестики или уголки – довольно глупая игра, в нее обычно играют малыши, но у нас играли и взрослые ребята.

Расположение к друзьям выражалось еще в том, что дружащему давалась на подпись книга, учебник. Подпись состояла в словах: «Свидетель такой-то». Раньше следовал текст: «Сия книга принадлежит». Кроме этих надписей мне бросалось в

Л. 62

глаза, что на письма кутейника всегда писали «очень нужное».

Из подвижных игр процветали лапта и салки. Посреди двора были приспособления для гимнастики, на них упражнялись лишь любители, специальных гимнастических упражнений не велось. Я почему-то к гимнастике особенного интереса не питал наверное потому, что не считал себя особенно к ней способным.

Посещали меня домашние редко. Мама была раза два-три, один раз с тетей Маней, другой – с тетей Еленой (43). Этот последний приезд особенно памятен потому, что они приезжали в какой-то праздник и попали прямо к обедне. Я тогда был подстаростой, шел с тарелкой, увидел маму, чуть не рассыпал деньги, тем более, что мама хотела меня поцеловать. С моей тогдашней точки зрения, она меня страшно «опозорила» перед всем училищем.

Приехав, она обычно отпрашивала меня и шла к знакомым или в гостиницу, покупала гостинцы, осматривала туалет и т.д.

Знакомых, кроме бабушки Медведевой, был еще доктор Иван Фомич Любимов (44) и Михаил Васильевич Михайлов. Иван Фомич был приятель отца: когда-то он был земским доктором в больнице на станции. Во время визита к нему с матерью он велел мне приходить каждое воскресенье к нему. Раз два я к нему ходил, но ему было совсем не до меня, товарищей не было, жена его была очень чопорная и неласковая дама, у него я чувствовал не по себе и потому визиты к нему прервал. Ходить к Михаилу Васильевичу, бывшему при-

Л. 63

казкичу, тоже было неинтересно, уж очень были все там бессловесны и скучны, настолько они все были проникнуты почтением к А.Н. и его сынку, что тоже было как-то не по себе. К Михаилу Васильевичу обращался и я в случаях крайней нужды в деньгах и других делах. Но в общем воскресные выходы не были такими, которых ждал бы всю неделю, чтобы освободиться от душной, почти тюремной атмосферы училища. В старших классах почти никуда не ходил, если не считать выходов в лавку, в магазин и т.д. Что же делали по праздникам и в их кануны? Конечно, прежде всего нас «молили». Начиналось со спевки, потом всенощной. Утром обедня, после нее завтрак, раз в неделю давали белый хлеб. От завтрака до обеда слонялись, кое-кто читал, но большинство начинало уже понемножку зубрить. Обед – немного лучший, чем в будни: на второе рыба или мясо жареное. После обеда надзиратель всех выгонял во двор: играли в лапту, салки и просто слонялись – вообще говоря слонянию, стоянию около ворот, сиденью на ступеньках подъезда отводилось много времени. После чая – приготовление уроков и праздников как не бывало. Мне больше нравился не самый праздник, а его канун: не было зубрежки по вечерам, не было дум о завтрашних уроках, что тебя спросят и т.д. Быть может поэтому мне нравилась всенощная, за которой следовал свободный вечер – этот вечер мы обычно гуляли с Мартыновыми и Абрамовым.

На выпускной экзамен к нам приезжал ревизор – инспектор Рязанской духовной семинарии Перов. Об этой ревизии говорилось чуть ли не за год. Страху и трепету он нагонял

Л. 64

много не только на нас, но даже на учителей. Как было уже сказано, в третьем и четвертом классах русский и славянский язык преподавал Н.И. Левитов, который оба года держал нас на разборе церковных песнопений. Кроме этого бесцельного и глупого разбора (двухгодичного, без всяких осложнений и изменений за два года) ничего не проходили. И вот во время подготовки к его предмету он заявляется и требует, чтобы выучили синтаксис церковно-славянского языка.

Перед выпускными экзаменами спрашивали, кто пойдет в семинарию. Я заявил, что не собираюсь. После экзаменов «грек» Н.А. Соколов уговаривал идти в семинарию, то же почему-то сделал и Перов, хотя выпускные отметки у меня были не блестящи, хуже годовых: это обычная у меня история, вина всему большая эмоциональная поражаемость и неуверенность.

25 июня 1895 г. я навсегда расстался с Раненбургом, совсем не жалея его, ибо и жизнь и учеба в нем были мало радостны. Четыре года максимальной восприимчивости ушло на зубрение тропарей, ирмосов, кафизм, кондаков, повечерий и пр. и пр. – всего не перечесать. В голову был вбит колоссальный материал, мертвый, ненужный, причем вбит был методами архаическими, схоластическими, усугубляющими негативную реакцию к самому материалу.

Оценивая эти четыре года и учебу в Раненбурге, нельзя не считать это время потерянным, потерянным вдвойне, так как эти четыре года ничего не дали для моего дальнейшего роста. А кроме того, они глушили и гасили то, что при

Л. 65

нормальном развитии должно было бы развиваться. Этот колоссальный материал, вбитый за четыре года учителями-академиками, ни в какой мере мне не пригодился в последующем моем развитии, он был мертвым капиталом,

мешающим и сбивающим порой, давящим своею ненужностью и архаичностью. Наличие этого мертвого балласта было вредно еще и потому, что создавало вредную установку на ценность почерпываемых из книг знаний. Так как других книг, являющихся источниками «живых знаний», в ту пору еще не имел, то создавалось впечатление, что все знания также «важны», т.е. мертвы, как знания, полученные в Раненбурге. Так что четырехлетняя учеба была вредна не только по тому материалу, который вбивался в наши головы. Не менее вредна эта учеба была и по методам вдалбливания: эти методы были настолько грубы и архаичны, что даже и формальная ценность от усвоения этого обширного материала была невелика. «Зубрили» как Бог на душу положит, никто (кроме Н.Ф. Федотьева) не давал указаний, как надо усваивать, выбирали такие методы, которые интуитивно или подражательно считались наиболее приемлемыми.

Конечно, даже при таких кустарных приемах усвоения обширного материала упражнялась память, как таковая, все же тренировалась, какой только ценой это покупалось. Думаю, что моя недурная память отчасти находится в связи с этой четырехлетней непрерывной зубрежкой, заучиванием текстов, тропарей, богослужебного и всего учебного материала, ибо другой путь усвоения исключался

Л. 66

всей системой работы, методом спрашиванья и учета. «Лучше Филарета не скажешь», – ну и зубрили Филарета, зубрили географический материал, зубрили богослужебно-церковный материал и т.д.

Такое обращение исключительно к функции памяти отодвигало на второй план все другие функции. «Мыслить», «рассуждать» при усвоении не полагалось, даже Н.Ф. Федотьев не осмысливал материал, а только немножко облегчал запоминание. А об остальных, с позволения сказать, педагогах и говорить не приходится. Они принципиально отвергали пытливость ума, считали это вредной тенденцией, ибо и их самих семинария и академия приучили все принимать на веру. «Credo, quia absurdum» (45) – таков был лозунг, пронизывающий всю систему обучения. Думаю, что та удивительная отчужденность и далекость от учеников большинства педагогов была своего рода защитной реакцией – при иных отношениях пришлось бы слышать вопросы, надо было бы на них давать объяснения – лишняя нагрузка, которой великолепно можно избежать, разыгрывая неприступного олимпийца, задающего «отселева до селева» и спрашивающего точно по учебнику. Мир педагогов нам казался действительно каким-то особым миром. Это не люди, улыбающиеся, радующиеся, говорящие языком жизни, а лишь языком церковной схоластики. Это какие-то особые существа, у которых нет того, чем мы живем и интересуемся. До наших интересов им никакого дела нет. Они призваны искоренять детские интересы, призваны делать из нас машины для переваривания кондаков и икосов. Такое представление о педагогах, как не о людях, а каких-то особых существах сложилось настолько прочно, что я был

Л. 67

сильно удивлен, когда я увидел одного из них в семейной обстановке. Наш зритель Павел Иванович Чистосердов бывал именинником в половине января. В этот день ученики ходили к нему на квартиру, и он оделял парой пряников и конфет. Оделяли его ребята, а он сидел среди своей семьи, возясь с ребятами, просто разговаривая с гостями и т.д. Это было совсем похоже на то, как живут люди, а не как ведут себя высушенные души академические, приходя на уроки богослужения или на самое богослужение. Для них между богослужебной учебой и самим богослужением разницы не было: одни надевали маску, другим и этой маски не надо было надевать – семинария и академия настолько их обескровили, что анемия для них стала привычным явлением. Среди них были люди определенно больные, какие-то выхоленные, напр., Н.И. Левитов, который скоро попал в психиатрическую лечебницу – и этот психопат два года преподавал нам русский язык.

Итак, жизненно-полезных знаний, накопленных пропорционально затраченному времени, из училища вывезено не было. Не было вывезено и нужного отношения к знанию, не была пробуждена любознательность. Больше того, взгляд на ценность знаний выработался заниженный. Совсем не выработались навыки систематического и рационального заучивания, хотя вообще-то навыки механического мало рационального заучивания здорово тренировались – уж очень велика была нагрузка на память.

Стимулы для самостоятельной постановки вопросов, их решения и обдумывания не только отсутствовали, но наоборот – эти функции всячески тушились и тормозились. Зато выраба-

Л. 68

тывалось не критическое отношение к усвояемому материалу, культивировалось слепое, беспрекословное послушание длительными каждодневными молитвами... На самом деле, о чем нам, малышам, было двадцать раз «беседовать с Богом», причем два раза по целых полчаса. Вот и вырабатывалась «маска», надо было делать благоговейный, молитвенный вид – иначе влетело от Скабовского.

Помимо тренировки памяти Раненбург дал мне некоторые навыки самостоятельного жития вне семьи – это мне очень пригодилось уже на следующем этапе своей жизни, в Лотошинском периоде (46). Среда, в которой я очутился в

Раненбурге, была настолько нова и своеобразна, что стоило больших усилий к ней приспособиться. Это также был один из навыков, вскоре прижившихся.

Умственное развитие школой стимулировалось слабо. Общеобразовательные предметы были представлены из рук вон плохо, да их было и недостаточно. Ни литература, ни история, ни природоведение совсем не проходились. А география, напр., проходила так, что лучше бы не трогать ее, по крайней мере, не создавалось бы неправильной установки на предмет.

Но и физическое развитие в школе было не в чести. Специальных гимнастических упражнений не было, правильного чередования уроков и отдыха тоже не было, так как зубрили зубрили целый день, неделями не выходя на воздух. В смысле гигиены тоже было неладно: ели деревянными ложками

Л. 69

из общей миски, умывались кое-как, без мыла, о чистке зубов не было и помину. Помню эпидемию вшивости, с которой одно время вели борьбу; такую же борьбу вели с чесоткой и другими болезнями, говорящими о гигиенической запущенности школы. Правда, был один вид «упражнений», который практиковался широко – стояние неподвижно на ногах в церкви, стояли часами, до отека ног. Главное же это стояние имело место в угрюмой маленькой церковке: вообще воздуха видели мало, комнаты освежали редко, организованных выходов на воздух почти не было. У меня был своеобразный метод измерения своего физического статуса по приезде в училище до отпуска – это охват правой рукой толщины левой. По приезде из дома пальцы правой руки не сходились, а к концу четверти обычно уже при охвате большой и средний пальцы доставали друг друга.

Зубрежка плюс гигиенические и другие условия жизни в училище были таковы, что за три месяца между каникулами я бледнел и худел изрядно.

Уехавши из Раненбурга в июне 1895 г., я порвал всякую связь с той средой, в которой прожил четыре года. Никого из учителей не довелось видеть, имея лишь поклон от Скабовского (на курсах в Учительском доме). Слышал, что «грек» Соколов стал Кривополянским попом, а смотритель Чистосердов архангельским протопопом. Судьбу остальных не знаю.

Пробовал из Лотошина наладить связь с бывшими учениками школы, писал Тихвинскому, с которым сидел на одной парте в последнем (4-м) классе. Но ничего получить не удалось. Судя по тому, что некоторые (Краснов, Никольский) стали попа-

Л. 70

ми – видимо кончили семинарию. Знаю, что академию кончили Левитовы, один из которых, Василий (47), был впоследствии преподавателем Екатеринославской семинарии, а его двоюродный брат Николай Дмитриевич Левитов (48) сейчас довольно видный советский психолог. Он, между прочим, влюблен в свой родной город, ездит туда на каникулы ловить в Хунте рыбу. Но меня «Анбур» (как его в просторечии называли) не тянет, слишком мало хороших воспоминаний с ним связано было. Лишь издали, с вокзала железной дороги, я видел Раненбург, когда был в командировке в Раненбургском уезде в 1921 г. (в Гагарине). Думаю, что этим и закончено навсегда мое общение с Раненбургом (49), так мало давшим за четыре года непрерывной жизни и учебы в нем.

Замечу мимоходом, что невыразительность дикции, скороговорку я ставлю в счет влияния Раненбургской школы: так много там зубрили и читали молитв и церковных гимнов, что выработалась эта привычка невыразительной скороговорки.

Несмотря на уроки пения и частое пение молитв умения петь не было, особенно слаб был репертуар светских песен. Было каких-то две-три песни (почему-то запомнилось «дуба, дуба»). Пению постоянных русских песен я выучился позднее, в Лотошине.

10 августа 1935 г. – полтора года спустя в Подрезкове (50) на даче, перечитывал написанное в Боткинской больнице. Показалось, что слишком мало внимания внешнему уделено, мало останавливался на собственных переживаниях. Но беда в том, что всплыла лишь общая суммарная оценка этого периода, совсем не удалось вспомнить конкретных переживаний по поводу более частных событий «анбургского» периода.

На л. 71 – размещена фотография

Л. 72

Для характеристики всей житейской осведомленности стоит отметить, что вплоть до 4-го класса училища я не умел распознавать время на циферблате часов. Помню по этому поводу недоразумение с «греком», пославшим меня узнать, сколько времени осталось до звонка. Я дал такую справку, что вышло нескладно. За весь период пребывания в «Анбурге» я не прочел ни одной книги, заглавие которой помнил бы сейчас, не знал ни Жюль Верна, ни Майн Рида, ни кого, кого полагалось бы читать подростку в этом возрасте. Как будто в библиотеке были журналы «Север», «Родник» и «Задуманное слово» (51), но почему-то не помню ничего из прочитанного. Да и некогда было читать.

В бытность мою в Раненбурге умер Александр III-й. Помню – известие это принес нам, четвероклассникам, наш грозный Скабовский. Сообщая эту весть, он прослезился – и это было для него так странно, что это у меня почему-то особенно запомнилось. Изредка я писал домой и в Лотошино. Памятно одно письмо сестре Варе (52) в Лотошино, сопровождаемое стихами, которыми нас изредка снабжал Н.Ф. Федотьев (латинист). Начало этого стихотворения я сейчас помню: «Сестрица милая Варюша, порою мне не по себе, но что же делать, разлука наша ведь неприятна и тебе...» Далее идет описание школьной жизни, обстановка класса («на стене Азия висит»). Подозреваю, что стихи эти сочинил сам Н.Ф., но сестра заподозрила в их творчестве меня. Я определенно стихов ни тогда, ни позже не писал.

Еще замечая, что старые «раненбургские» мотивы и напевы начинают всплывать навязчиво в последние годы, когда не

Л. 73

так восприимчив к настоящему и чаще возвращаешься в прошлое. А эти мотивы и напевы так мало созвучны настоящему. Вообще говоря, весь раненбургский период моей жизни оказался мало созвучным всему тому, что следовало за ним; он очень мало мне дал для всех последующих периодов.

1. Рыбников Н.А. Из рода в род. История семьи Рыбниковых (за двухсотлетний период ее существования). Часть III. Пятое поколение. Автобиография Н.А. Рыбникова. – М., 1942. – Машинопись. 366 л. // ОР РГБ. – Ф. 367. – К. 8. – Ед.хр. 2. – Л. 36-73.

Материалы главы частично (с купюрами) и без комментариев опубликованы, см.: Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе» / Сост. В. Безрогов, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротинина. Часть 1: 1890 – 1940. – М. – Тверь: Научная книга, 2008. – 393 с. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 2). – С. 45-56.

2. Помяловский Николай Герасимович (1835-1863) – русский писатель, прозаик, автор дилогии «Мещанское счастье» и «Молотов». Он провел детство в духовном училище и в своем самом известном произведении «Очерки бурсы» описал жизнь бурсаков. Очерки написаны в 1862-1863 гг. В эти же годы они были опубликованы в журналах «Время» и «Современник».

3. Потапенко Игнатий Николаевич (1856-1929) – писатель-беллетрист, прозаик и драматург, один из самых популярных авторов 1890-х гг., автор повести «До и после», написанной в жанре «бурсацких воспоминаний», вышедшей отдельным изданием в 1897 г.

4. Добронравов Леонид Михайлович (Леон Донич-Добронравов, 1887-1926) – русский, румынский и французский писатель, актер, режиссер и пианист. Автор романа «Новая бурса», изданном в Санкт-Петербурге (изд. «Прометей») в 1913 г.

5. Сычугов Савватий Иванович (1841-1902) – земский врач в Вятской и Владимирской губерниях, просветитель, литератор, историк медицины, меценат, основатель первой общедоступной библиотеки в селе Верховино Вятской губернии. Автор книги автобиографических очерков «Записки бурсака».

6. Воронский Александр Константинович (1884-1937) – российский революционер-большевик, писатель, литературный критик и теоретик искусства. «Бурса» – автобиографический роман А.К. Воронского, в котором нашли отражение впечатления от учебы в тамбовских духовных учебных заведениях. Издан в виде отдельной книги в Москве (изд. «Советская литература») в 1933 г.

7. Меншиков Алексей Данилович (1673-1729) – русский государственный и военный деятель, ближайший сподвижник и фаворит Петра I, генералиссимус, адмирал, первый Санкт-Петербургский генерал-губернатор, президент Военной коллегии. В 1703 г. Петр I подарил своему любимцу село Слободское (переименовано было в г. Раненбург (Ораниенбаум)) бывшей Рязанской губернии, в стороне от которого на огромном холме была построена крепость Ораниенбург. Царь при проезде в Воронеж на корабельные верфи обычно останавливался в замке Меншикова. Светлейший князь практически ежегодно в летний период бывал в своем Рязанском имении. Осенью 1727 г. А.Д. Меншиков находился в ссылке в своем имении в Раненбурге.

8. Раненбургское духовное училище было открыто 1 ноября 1813 г. В 1815 г. было переведено в г. Скопин. Решением епархиального училищного съезда 1867 г. в Раненбурге вновь открыто духовное училище путем перевода в 1869 г. 2-го Рязанского духовного училища. Новое здание духовного училища было построено в 1872-1873 гг. При училище была устроена домовая церковь, освященная во имя вселенских святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Закрыто в 1918 г.

9. Московское Императорское коммерческое училище с преподаванием английского, французского, немецкого и латинского языков было открыто указом императора Александра I в 1804 г., находилось в ведении учреждений императрицы Марии Федоровны. Прекратило свою деятельность в результате Гражданской войны. В настоящее время

в этом здании располагается Московский государственный лингвистический университет (бывший Институт иностранных языков им. Мориса Тореза).

10. Гаретовский (Горетовский) Алексей Степанович – священник церкви в поселке при станции Александро-Невской Раненбургского уезда (1898–1914), заведующий местной церковно-приходской школой.

11. Анбур, Анбург – сокращенно от Раненбург-Анбург.

12. В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие сведения:

Никольский Аристарх

1891/92 – РандУ – I класс – Разряд первый – переведен во II класс

1892/93 – РандУ – II класс – Разряд первый – переведен в III класс

1893/94 – РандУ – III класс – Разряд второй – переведен в IV класс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы: Справочник [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 2. – URL: <https://62info.ru/history/node/2774> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

13. Соколов Николай – преподаватель греческого языка, работал в училище с 1887 г., был кандидатом в члены попечительства Духовного училища. Информация взята с сайта: Фотоблог «Города России». Чаплыгин, улица Горького, дом 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus-towns.ru/chaplygin-ulica-gorkogo-dom-2/> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

Материалы сайта «Духовенство Русской Православной Церкви. Биографическая база данных и собрание материалов» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/7974/> (дата обращения: 2.06.2021 г.). содержат следующие сведения:

Соколов Николай Алексеевич (2-я пол. XIX в. – 1910 г.) – священник. Дед – священник Добротворцев Иван Иванович, отец – Соколов Алексей, священник. Н.А. Соколов окончил Рязанскую духовную семинарию, 13.08.1889 рукоположен в диакона архиепископом Рязанским и Зарайским Феокистом (Поповым) в кафедральном соборе г. Рязани; 15.08.1889 рукоположен во священника архиепископом Рязанским и Зарайским Феокистом (Поповым) в кафедральном соборе г. Рязани. С 1889 г. учитель Раненбургского духовного училища.

14. ἀγορά – греч. собрание.

15. ἀδικία – греч. несправедливость.

16. В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие данные:

Хромин Николай

1892/93 – РандУ – II класс – Разряд второй – переведен в III класс

1893/94 – РандУ – III класс – Разряд второй – переведен в IV класс

1895/96 – РандУ – IV класс – Разряд второй – окончил полный курс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы: Справочник [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 4. – URL: <https://62info.ru/history/node/2797> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

17. Кривополянье как село Кривая Поляна впервые упоминается в Козловских писцовых книгах 1638-1639 гг. По окладным книгам 1676 г. в Кривой Поляне значится уже церковь Архангела Михаила. Около 1805 г. вместо деревянной церкви жители села построили каменную церковь в честь Архистратига Божия Михаила с приделом в честь св. Николая, с каменной колокольней и приделом в честь св. Тихона, епископа Задонского. Село расположено на берегу реки Становая Ряса и в настоящее время примыкает к г. Чаплыгину (Раненбургу).

18. Духовный род раненбургских Левитовых подробно описан А. Тверитиновым. Сведения о Ник. Ив. Левитове в этой статье отсутствуют. В поколенной росписи рода Левитовых имеются сведения только о Николае Алексеевиче Левитове – (? – 1911), выпускнике 1878 г. Рязанской семинарии, преподававшем в Раненбургском уездном училище историю и географию до 1880 г.

См.: Тверитинов А. Духовный род раненбургских Левитовых [Электронный ресурс] – URL: <https://pomnirod.ru/articles/istorii-otdelnyh-familij/duhovnyj-rod-ranenburgskih-levitovyh.html> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

19. Чистосердов Павел Иванович – член-благотворитель попечительства Раненбургского духовного училища, смотритель РДУ. Сведения взяты с сайта: Фотоблог «Города России». Чаплыгин, улица Горького, дом 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus-towns.ru/chaplygin-ulica-gorkogo-dom-2/> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

20. Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви – официальный катехизис Русской православной церкви. Подготовлен в 1822-1823 годах архиепископом Филаретом (Дроздовым) и впервые издан в 1823 году. Впоследствии Катехизис перерабатывался автором, обер-прокурором Синода и другими членами Синода и многократно переиздавался

21. Скабовский Петр Николаевич (в тексте рукописи фамилия написана через букву «о» – Скобовский) – автор устава Раненбургского духовного училища, утвержденного в начале апреля 1887 г. владыкой Феогностом (Г.И. Лебедевым), архиепископом Владимирским и Суздальским.

22. В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие сведения об учебе Рыбникова Митрофана Александровича:

1893/94 – РанДУ – I класс – Разряд первый – переведен во II класс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 3. – URL: <https://62info.ru/history/node/2779> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

Рыбников Митрофан Александрович (1882 - ?) – врач, с 1930 по 1947 гг. 2-го врачебного участка Калининской железной дороги. См.: Аксенова Г.В. Раненбургский купеческий род Рыбниковых в истории России // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв.: Материалы V Международной научной конференции / Отв. ред. А.Н. Долгих, В.В. Фомин. Липецк, 6 октября 2017 г. – Липецк, 2017. – С. 31-46; Справка, выданная М.А. Рыбникову о прочтении лекции о малярии 1 сентября 1947 г. // ОР РГБ. – Ф. 367. – К. 40. – Ед.хр. 8. – Л. 1; Рыбников М.А. Заявление Заведующему 2-м врачебным участком Калининской железной дороги // ОР РГБ. – Ф. 367. – К. 40. – Ед.хр. 8. – Л. 2.

23. В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие сведения об учебе:

Мартынов Владимир

1893/94 – РанДУ – I класс – Разряд первый – переведен во II класс

1895/96 – РанДУ – III класс – Разряд второй – назначена переекзаменовка

Мартынов Николай

1893/94 – РанДУ – I класс – Разряд второй – переведен во II класс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 2. – URL: <https://62info.ru/history/node/2774> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

24. В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие данные об учебе:

Абрамов Михаил

1891/92 – РанДУ – I класс – Разряд первый – переведен во II класс

1892/93 – РанДУ – II класс – Разряд первый – переведен в III класс

1893/94 – РанДУ – III класс – Разряд первый – переведен в IV класс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 1. – URL: <https://62info.ru/history/node/2773> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

25. В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие сведения об учебе:

Лыков Иван

1891/92 – РанДУ – I класс – Разряд первый – переведен во II класс

1892/93 – РанДУ – II класс – Разряд первый – переведен в III класс

1893/94 – РанДУ – III класс – Разряд первый – переведен в IV класс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 2. – URL: <https://62info.ru/history/node/2774> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

26. В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие сведения об учебе:

Бажанов (Божанов) Степан

1892/93 – РанДУ – II класс – Разряд второй – переведен в III класс

1893/94 – РанДУ – III класс – Разряд второй – переведен в IV класс

1895/96 – РанДУ – IV класс – Разряд первый – окончил полный курс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 1. – URL: <https://62info.ru/history/node/2773> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

27. Можно предположить, что он был сыном Михаила Васильевича Левитова (1825–1892) – выпускника Московской духовной академии. Магистра, профессора богословия Костромской семинарии, протоиерея Троицкого собора и благочинный г. Раненбурга Рязанской губернии; в разное время епископа Михайловского (и викария Рязанской епархии), Тобольского, Пензенского и Саранского. В постриге получил имя Василий. Управляющий Раненбургской пустынью. Погребен в Успенском соборе Раненбургского Петропавловского монастыря.

Информация взята с сайта: Тверитинов А. Духовный род раненбургских Левитовых [Электронный ресурс]. – URL: <https://pomnirod.ru/articles/istorii-otdelnyh-familij/duhovnyj-rod-ranenburgskih-levitovyh.html> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие сведения об учебе:

Левитов Василий

1889/90 – РанДУ – Приготовительный класс – Разряд второй – переведен в I класс

1891/92 – РандУ – II класс – Разряд первый – переведен в III класс

1892/93 – РандУ – III класс – Разряд второй – назначена переэкзаменовка

1893/94 – РандУ – III класс – Разряд первый – переведен в IV класс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 2. – URL: <https://62info.ru/history/node/2774> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

28. С. Якимец (Екимец) Раненбургского уезда Рязанской губернии – «село, расположенное на так называемой Астраханской большой дороге и на реке Хупта» (в настоящее время село в Александро-Невском районе Рязанской области). В селе была церковь во имя Архистратига Михаила.

Н.А. Рыбников, местом рождения которого было село Верхний Якимец, в 1940-е гг. занимался исследованием истории села Якимец (Екимец). Краткие сведения содержатся в фонде Рыбниковых среди «Материалов по истории Раненбурга. 1949». Например, см.: Рыбникова С.А. Справка о юго-восточной части бывшего Раненбургского уезда // ОР РГБ. – Ф. 367. – К. 9. – Ед. 5. – Л. 13-17.

29. В родословных справочниках священнослужителей Рязанской губернии имеется только одно именное упоминание, соответствующее описываемому периоду. Это – Мелиоранский Василий Павлович, священник Архангельской церкви г. Михайлова. Награждён кавалерским крестом (14-28 марта 1889), орденом св. Анны 3-й ст. (3.02.1897). См.: Духовенство Рязанской епархии (по данным «Церковных ведомостей» 1888-1908 гг., «Адрес-календарей Рязанской губернии» 1889-1914 гг.) [Электронный ресурс] / М.Б. Оленев, 2005-2008 гг. – URL: <http://m-rodoslovnay.narod.ru/index/0-191> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

Возможно, речь идет именно о сыне этого священника.

В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие сведения об учебе:

Мелиоранский Василий

1892/93 – РандУ – I класс – Разряд первый – переведен во II класс

1893/94 – РандУ – II класс – Разряд второй – переведен в III класс

1895/96 – РандУ – IV класс – Разряд второй – окончил полный курс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 2. – URL: <https://62info.ru/history/node/2774> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

30. В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие сведения об учебе:

Тихвинский Дмитрий

1891/92 – РандУ – I класс – Разряд второй – переведен во II класс

1892/93 – РандУ – II класс – Разряд первый – переведен в III класс

1893/94 – РандУ – III класс – Разряд второй – переведен в IV класс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 4. – URL: <https://62info.ru/history/node/2797> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

31. В справочнике об учащихся духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие сведения об учебе:

Краснов Николай

1891/92 – РандУ – I класс – Разряд второй – назначен экзамен

1892/93 – РандУ – II класс – Разряд второй – переведен в III класс

1893/94 – РандУ – III класс – Разряд второй – переведен в IV класс

1895/96 – РандУ – IV класс – Разряд первый – окончил полный курс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 2. – URL: <https://62info.ru/history/node/2774> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

32. Кирпичников А.И. Синтаксис русского языка применительно к правописанию. – М.: Кн. маг. В.В. Думнова, п/ф Насл. бр. Салаевых, 1889. – 80 с.

33. Триодъ постная и цветная (греч. τριώδιον – три песни), богослужебные книги, содержащие изменяемые в зависимости от Пасхи части (главным образом песнопения) служб православной Церкви. Триодъ Постная включает службы 4 подготовительных недель к Великому посту, 6 недель Великого поста и Страстной седмицы, Триодъ Цветная (Пентикостарий) – службы 7-й недели от Пасхи до Пятидесятницы и 1-й седмицы по Пятидесятнице.

34. На л. 52 размещено детское фото Н.А. Рыбникова.

35. Любимов Никандр Фомич – священник церкви села Малинки Данковского уезда, заштатный священник домового Трехсвятительной церкви Раненбургского духовного училища, священник Николаевской церкви г. Раненбурга (1898-1912). Награждён орденом св. Анны 3-й степени (1901). Председатель отделения епархиального училищного совета (1912).

См.: Духовенство Рязанской епархии (по данным «Церковных ведомостей» 1888-1908 гг. «Адрес-календарей Рязанской губернии» 1889-1914 гг.) [Электронный ресурс] / М.Б. Оленев, 2005 – 2008 гг. – URL: <http://m-rodoslovnyay.narod.ru/index/0-186> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

36. Аксенов Михаил С. – диакон церкви села Поливаново Михайловского уезда.

См.: Духовенство Рязанской епархии (по данным «Церковных ведомостей» 1888-1908 гг. «Адрес-календарей Рязанской губернии» 1889-1914 гг.) [Электронный ресурс] / М.Б. Оленев, 2005 – 2008 гг. – URL: <http://m-rodoslovnyay.narod.ru/index/0-186> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

37. В справочнике «Духовенство Рязанской епархии» также содержатся следующие данные:

Климов Петр Онисимович (Анисимович) – диакон Духовской церкви г. Рязани (1900), священник Успенского собора г. Рязани и регент хора (1912), священник Духовской церкви г. Рязани (ПК 1914), учитель пения Рязанского духовного училища (1900-1914), учитель пения Попечительского общества о нищенствующих и бесприютных малолетних девочках (1912-1914).

См.: Духовенство Рязанской епархии (по данным «Церковных ведомостей» 1888-1908 гг. «Адрес-календарей Рязанской губернии» 1889-1914 гг.) [Электронный ресурс] / М.Б. Оленев, 2005 – 2008 гг. – URL: <http://m-rodoslovnyay.narod.ru/index/0-186> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

38. Федотьев Николай Федорович – сын диакона (ныне священника Федора Никифоровича) Рязанского Кафедрального Собора; среднее образование получил в Рязанской духовой семинарии (1876-1882 г.), а высшее – в Казанской духовной академии. По окончании академического курса прослужил в Рязанском епархиальном женском училище в должности преподавателя Закона Божия, а затем переведен был в Раненбургское духовное училище на должность учителя латинского языка, в каковой состоял до 1901 г., затем был перемещен в Рязанское духовное училище и вместе вел уроки в женском епархиальном училище. Награжден орденом св. Анны 3 ст. (1899).

Данные приводятся по: Рязанское епархиальное женское училище [Электронный ресурс]. – URL: <http://museum-teu.narod.ru/lehrer.htm> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

39. «Илья Лукич «Зоркин» (ум. в 1908 г.), приказчик А.Н. Рыбникова – «воспитатель» старшего поколения Рыбниковых. Умер в г. Гжатске 45 лет от роду. Своих воспитанников он звал «кадетами», по торжественным дням покупал им по банке монпасье. См.: Рыбников Н.А. Дела и дни фамилии Рыбниковых: 1753-1945 (материалы и история семьи Рыбниковых). – М., 1946. Машинопись. 18 л. // ОР РГБ. – Ф. 367. – К. 5. – Ед.хр. 7. – Л. 12.

40. Петропавловский епархиальный мужской монастырь (Раненбургская пустынь) – в наст. вр. православный монастырь Русской Православной Церкви Елецкой епархии (Липецкая область, Чаплыгинский район, пос. Рощинский). Основан в 1711 г. по прошению светлейшего князя А.Д. Меншикова по благословению митрополита Рязанского Стефана (Яворского). Наибольшего расцвета обитель достигла к кон. XVIII – нач. XIX века. После революции, 29 июня 1925 г., по решению Раненбургского уездного исполкома пустынь ликвидирована. Восстановление обители началось в 1998 г.

41. Иеромонах Пиор назван Н.А. Рыбниковым «Пьером».

За время существования Петропавловского монастыря в нем «просияли своими иноческими добродетелями: иеросхимонах Мелхиседек, иеросхимонах Нафанаил, иеросхимонах Пиор, архимандрит Ириней (Центров) и другие». Сведения взяты с сайта: Петропавловский мужской монастырь Раненбургская пустынь [Электронный ресурс]. – URL: <https://monasterium.ru/monastiri/monastery/petropavlovskiy-muzhskoy-monastyr-ranenburgskaya-pustyn/> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

«Настоящим украшением Раненбургской Петропавловской пустыни послужили иноческие подвиги некоторых насельников её, добрую память о которых сама обитель хранила "яко богатое сокровище". Подвижники веры и благочестия, среди которых особенно известны иеросхимонахи Мелхиседек, Нафанаил и Пиор, а также архимандрит Ириней (Центров), просияли в истории монастыря как яркие путеводные звёзды, озарив тяжёлый путь истинного монашества своим примером "терпения, злострадания, любви, истинного послушания и смирения". И только Господь ведает, скольких бы ещё светильников веры и благочестия дала нам Петропавловская обитель, если бы не прервалась её славная история в 1920-е гг.» (Клоков А., Найденов А. Приют для подвижников духа [Электронный ресурс]. – URL: <https://petrmost.lpgzt.ru/aticle/26449.htm> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

42. В справочнике об учащих духовных училищ Рязанской епархии имеются следующие сведения об учебе:

Сербаринов Григорий

1891/92 – РандУ – I класс – Разряд второй – переведен во II класс

1892/93 – РандУ – II класс – Разряд второй – переведен в III класс

1893/94 – РандУ – III класс – Разряд второй – переведен в IV класс

См.: Учащиеся духовных училищ Рязанской епархии. 1864/65 – 1906/07 учебные годы [Электронный ресурс] / М. Оленев, М. Нефедов. – 2006-2008 гг. – Ч. 3 – URL: <https://62info.ru/history/node/2779> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

43. Тетя Маня – речь идет о Марине Сергеевне Щукиной (ум. в 1913 г.), сестре Прасковьи Сергеевны Рыбниковой (урожд. Щукина; 1853-1913 г.), матери Николая Рыбникова. Именно Марина Сергеевна, живя в семье своей сестры, много времени уделяла воспитанию ее детей. В доме ее называли «тетя Маша». См.: Рыбников Н.А. Дела и дни фамилии Рыбниковых: 1753-1945 (материалы и история семьи Рыбниковых). – Москва, 1946. Машинопись. 18 л. // ОР РГБ. – Ф. 367. – К. 5. – Ед.хр. 7. – Л. 10.

Тетя Елена – не является родственницей и представительницей рода Рыбниковых-Щукиных-Пастуховых-Андреевых, в материалах рода Рыбниковых-Щукиных это имя не встречается.

44. Любимов Иван Фомич (род. в 1855 г.; крещен 1.01.1856 в с. Карповка Раненбургского уезда) – коллежский советник, земский врач г. Раненбурга. Конференцией Императорской Медико-Хирургической Академии признан лекарем 19.12.1879; утвержден земским врачом Раненбургского у. 1.08.1880; удостоен степени доктора медицины 10.05.1886; утвержден титулярным советником 17.09.1886; пожалован в коллежские ассессоры 18.05.1887; и.д. городского врача г. Раненбурга с 8.08.1888; пожалован в надворные советники 20.12.1888; утвержден раненбургским городским врачом 24.03.1890; пожалован в коллежские советники 2.12.1891. Имел темно-бронзовую медаль в память Русско-турецкой войны 1877 – 78. Жалование получал 200 руб., от земства – 1200 руб., разъездные – 300 руб. Женат (18.01.1884) на дочери действительного статского советника Анастасии Федоровне Щукиной (род. в 1848 г.). Данные приведены по: Любимовы [Электронный ресурс] // История, культура и традиции Рязанского края. – URL: <https://62info.ru/history/node/11825> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

45. Credo quia absurdum (лат. «Верую, ибо абсурдно») – латинское выражение, приписываемое Тертуллиану. Источником фразы послужило сочинение De Carne Christi (О плоти Христа), защищающее христианство от нападок докетистов.

46. Лотошино – до 1918 г. село Старицкого уезда Тверской губернии на реке Лобби. Первое упоминание относится к 1478 г., в 1540 г. Лотошино числится по Тверскому уезду. В 1646 г. Лотошино перешло во владение князей Мещерских. Первая деревянная усадьба была построена в XVIII в., в 1792 г. воздвигли первую каменную церковь. В 1812 г. в имении началось сыроварение. Имение Мещерских посетили император Александр I, Пушкин, Тургенев. О Лотошино писал С.Д. Шереметев в путевых очерках «В деревне». В 1919 г. вошло в состав Лотошинского уезда Московской губернии; в 1929 г. был создан Лотошинский район; в 1951 г. Лотошино получило статус рабочего поселка; в 1963 г. Лотошинский район включен в состав Волоколамского района Московской области.

См.: История Лотошино с 1478 по 1900 [Электронный ресурс]. – URL: http://lotoshino.ru/1478_1900.html (дата обращения: 2.06.2021 г.).

Н.А. Рыбников собирал материалы по истории села Лотошино, планируя написать книгу. См.: Рыбников Н.А. Из истории Лотошино. 1949. Автографы, машинопись и печатн. 122 л. // ОР РГБ. – Ф. 367. – К. 9. – Ед.хр. 6.

47. Левитов Василий Васильевич – канд. богосл., преподаватель русско-церковно-славянского яз. в Екатеринославском духовном училище (по данным на 1914 г.), коллежский советник. См.: Духовенство г. Екатеринослава на 1914 год (всех исповеданий). Ведомство православного вероисповедания [Электронный ресурс]. – URL: <http://petergen.com/bovkalosp/ekaterinoslav1914.html> (дата обращения: 2.06.2021 г.).

48. Левитов Николай Дмитриевич (1890-1972) – российский психолог, специалист в области педагогической и возрастной психологии, психологии труда и дифференциальной психологии, доктор психологических наук (1944 г.), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Автор книг: «Очерки педагогической психологии» (1946 г.), «Психология старшего школьника» (1955 г.), «Вопросы психологии характера» (1952 г.).

49. К теме Раненбурга Н.А. Рыбников вернулся в 1949 г. Он стал собирать материалы по истории города, составлять библиографию. В его архиве сохранилась папка «Материалы к истории Раненбургского уезда. 1949». См.: ОР РГБ. – Ф. 367. – К. 9. – Ед.р. 5.

50. Подрезково – дачный поселок под Москвой, названный по усадьбе инженера-путейца Н.А. Подрезкова. В 1908 г. в этом месте на Николаевской (Ленинградской) железной дороге здесь была образована железнодорожная остановка с таким же названием. В наст. время микрорайон (внутригородская территория) в черте города Химки в Московской области, непосредственно граничащий с микрорайоном Новоподрезково Молжаниновского района Москвы. Микрорайон располагается недалеко от аэропорта Шереметьево, по его территории проходит шоссе Москва – Санкт-Петербург и Октябрьская железная дорога.

51. «Север» – еженедельный иллюстрированный литературно-художественный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге в 1888-1914 гг.

«Родник» – ежемесячный иллюстрированный журнал для детей, издававшийся в Петербурге в 1882-1917 гг.

«Задуманное слово» – наиболее популярный в Российской империи журнал для детей младшего и среднего возрастов. Издавался в Санкт-Петербурге «Товариществом Вольфа» в 1876-1918 гг.

52. Варвара Александровна Рыбникова (в замуж. Шилова; 1879 – после 1946) – старшая сестра Н.А. Рыбникова, педагог, автор книги «Мой дневник: Записки о развитии ребенка от рождения до 3 1/2 лет» (Орел, 1923).

Принятые сокращения

ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РанДУ – Раненбургское духовное училище

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

Для ссылки: Аксенова Г.В. Раненбургское духовное училище 1890-х годов по воспоминаниям профессора Николая Александровича Рыбникова // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2021. – №3 (20). – С. 17-48. DOI 10.24412/2541-9056-2021-3-17-48